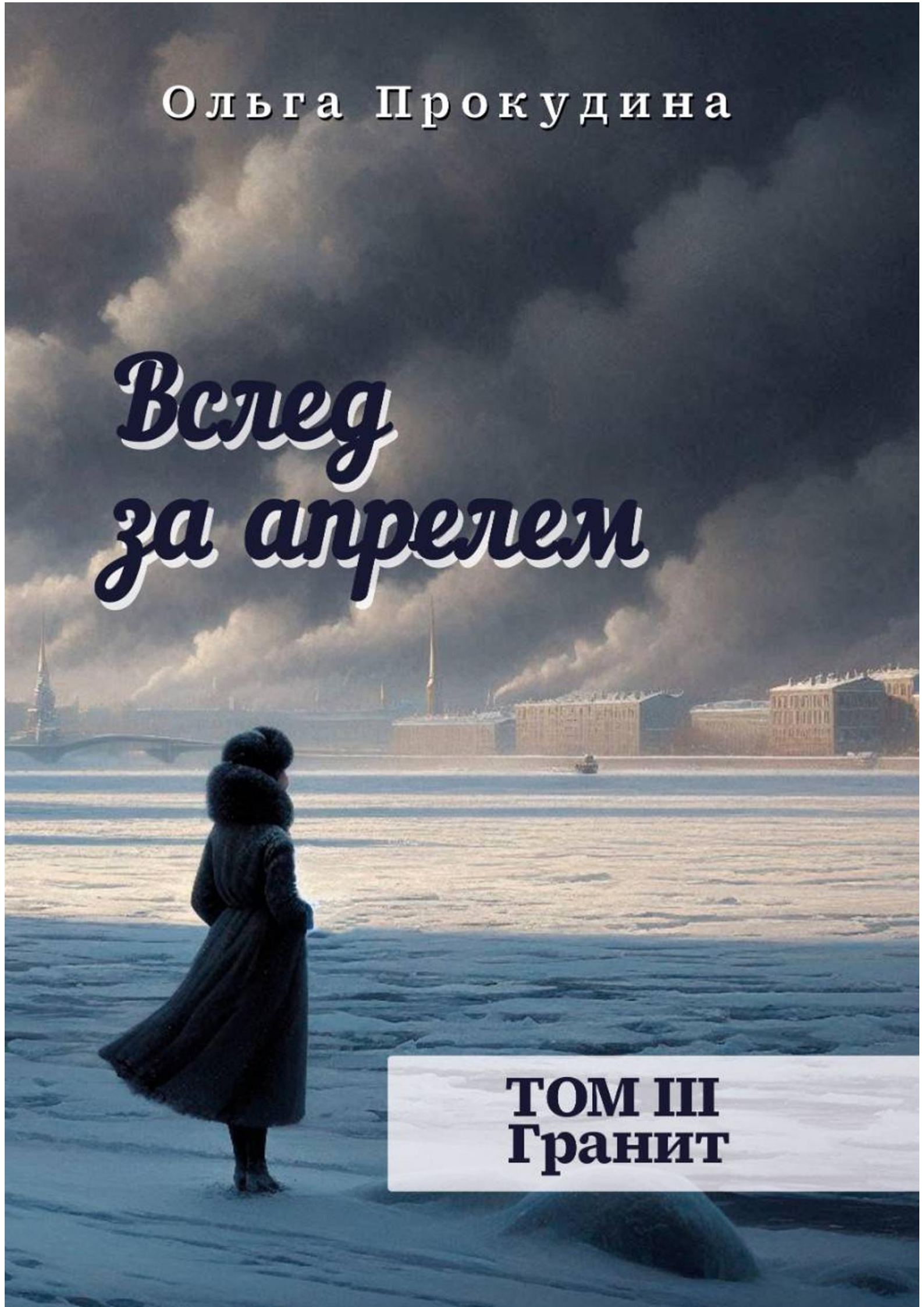

Ольга Прокудина

*Вслед
за апрелем*

**ТОМ III
Гранит**

Вслед за апрелем

Ольга Прокудина

Вслед за апрелем. Том 3 — Гранит

«Автор»

2026

Прокудина О.

Вслед за апрелем. Том 3 — Гранит / О. Прокудина — «Автор»,
2026 — (Вслед за апрелем)

Зима 1940. Чужой гранитный город встречает Лизу несбывшимися надеждами. Она становится тенью амбициозного и хваткого мужа-композитора. Спасают лишь клавиши и новые друзья — артисты молодого музыкального коллектива. Вместе они начинают путь к признанию: от репетиций в коммуналке под стук соседки до первых собственных песен. Но в июне, когда в воздухе всё отчётливее пахнет бедой, Лиза приезжает в гости в родные края. Здесь её настигает прошлое: след возлюбленного, прошедшего ГУЛАГ, и встреча с тем, кто некогда сломал им обоим жизни. Что победит: жгучая боль и желание отплатить или стремление уберечь то, что есть? Но всего одна давно позабытая подробность делает Лизу опасной для того, кто не остановится ни перед чем. Она уже в его руках, и завтра может не наступить. Третий том романа-драмы «Вслед за апрелем». Для тех, кто учится стоять твёрдо, даже когда всё внутри дрожит, и отпустить прошлое, чтобы не замёрзнуть в зиме собственной жизни.

© Прокудина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 — Семейное гнездо	6
Глава 2 — Насущные вопросы	11
Глава 3 — Холодный город	20
Глава 4 — Грета	27
Глава 5 — Зёрна и плевелы	35
Глава 7 — Плата за долги	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вслед за апрелем. Том 3 — Гранит

Глава

Эта книга — художественное произведение. Создавая её, автор опирался на реалии эпохи и атмосферу, однако все сюжетные линии, персонажи и частные события являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, судьбами и фактами случайны.

Оглавление

- Часть 1 — Столичная жизнь
- Глава 1 — Семейное гнездо
- Глава 2 — Насущные вопросы
- Глава 3 — Холодный город
- Глава 4 — Грета
- Глава 5 — Зёрна и плевелы
- Глава 6 — Во поле берёзка стояла
- Глава 7 — Плата за долги
- Часть 2 — Коллеги и друзья
- Глава 8 — Радужная призма
- Глава 9 — Товарищ по несчастью
- Глава 10 — Вот так номер!
- Глава 11 — Европейская
- Глава 12 — Петергоф
- Глава 13 — В Энгельс?!
- Часть 3 — Тени прошлого
- Глава 14 — Непрошенный гость
- Глава 15 — Портсигар
- Глава 16 — Вермут
- Глава 17 — Так вышло
- Глава 18 — Дело чести
- Часть 4 — Справедливость
- Глава 19 — Одержимость
- Глава 20 — Репетиция
- Глава 21 — Разговор по душам
- Глава 22 — Дуэт из грёз
- Глава 23 — Береги себя
- Часть 1**

—

Столичная жизнь

Глава 1 — Семейное гнездо

За нами прибыла полуторка, и по дороге от вокзала до нового жилища я во все глаза рассматривала из её окна мерцающие в свете многочисленных фонарей величественные фасады, окна с арочными сандриками, балкончики с коваными перилами или балясинами, скульптуры в виде якорей с цепями, причудливые барельефы, различные изваяния. У входа в большинство зданий реяли красные знамёна и красовались крупные таблички или вывески с изображениями Ленина. Завадский только и сказал, что проезжаем Невский проспект и Дворцовый мост. Затем показал мне Румянцевский сквер с осенней красно-жёлтой листвой и Академию художеств — монументальное и поистине величавое здание с фасадом, украшенным четырьмя массивными колоннами и двумя статуями героев древнегреческой мифологии. Потом было ещё несколько богатых усадеб и, наконец, машина остановилась напротив небольшого, по сравнению с остальными, но оттого не менее прекрасного здания. Два этажа, балкончики с коваными перилами и видом на набережную, и всё это в самом центре такого величественного и необыкновенно прекрасного города! Я и мечтать о таком не смела. Неужели я здесь хозяйка?! Это сказка! Но... но... что это за свет?! Что за тусклый свет льётся из окон? Что за силуэты мелькают за ними?

— Тут кто-то... кто-то живёт?! Вы говорили — дом ваш?!

— Семейные гнёзда остались в девятьсот семнадцатом, подчас заодно с гнездившимися, — язвительно усмехнулся В.Д. В его голосе звучало разочарование. Не то от того, что недвижимость стала коммунальной, не то от моего непроходимого недомыслия. В самом деле, могла бы и догадаться. Но он мог бы и не врать, не скормливать мне очередную басню. Но и на этом его прикрасы, увы, не заканчивались. Оказавшись внутри, я испытала ещё большую досаду от состояния апартаментов: прохлада, зловонный дух сырости и темнота, несмотря на которую, мне удалось заметить отвратительную, зеленоватую плесень на стенах. В чём на сей раз была причина выдумок? Опять что-то задумал?!

Муж подвёз меня к широкой, двустворчатой двери в левом крыле дома и, с трудом подобрав в полумраке подходящие ключи из связки, принялся её отпирать, мимоходом словно оправдываясь:

— Гостиная. Самая большая комната дома. Она наша. И ещё одна спальная — она же кабинет. На втором этаже.

Рядом скрипнула соседняя дверь, и Владимир, чуть попятившись назад, толкнул в гостиную кресло и чуть задвинул ногой мой чемодан. Я оказалась в проёме, скользнув взглядом по комнате. Хотя в чём-то я ошибалась — это была вовсе не тесная комнатка без окон, наподобие той, в которой жила в домике, что муж арендовал в Энгельсе. Комната была просто огромной, а из четырёх больших окон лился яркий свет фонарей набережной. Похоже, уличное освещение служит здесь едва ли не заменой внутреннего. В центре красовался, бликуя гляncем, рояль Якоба Беккера, о котором так много говорил В.Д. Ну что ж, хороший инструмент был для меня одним из главных поводов преодолеть эти долгие сотни километров! Но как играть, когда вокруг столько народу?! В подтверждение моих мыслей из противоположного крыла коридора раздавался гомон голосов, переливистый детский смех, слышался звон тарелок, отрывисто и невпопад всхлипывала гармошка, похоже, забавлялась детвора, а совсем рядом самодовольно зазвучал властный, чуть хриловатый женский голос:

— Ну здравствуй, Володь! Прибыл и сразу в свой угол? Постучался бы хоть — для порядка.

— Здравствуй, дай хоть дух перевести с дороги.

— Ну переводы, переводы. А Аркашенька в Елисеевский магазин¹ поехал. На ужин-то — шаром покати, а тут ведь гостя встречать надо. Я ж с ним на заседании профкома задержалась. Путёвку ему выбила. На июнь. В Крым. Ну, Генка-то хоть вовремя прикатил?

— Угу, — промычал В.Д., наполовину вошедший в гостиную и будто желавший скорее отделаться от набросившейся с разговорами соседки.

— Я ему, псу старому, десятку дала. Ты ж писал, мол, машину надо. Да чтобы грузовую. Ну с этим на комбинате проблемы нет. Вот только на кой?! Вещей-то, гляжу, у тебя племянничек раз-два и обчёлся.

Что?! Это его тётка?! Сюрпризы продолжаются.

— Да я тут это... в письме не писал... решил при встрече.

— Чего не писал? Стряслось чего?

Я сжалась, наконец, сообразив, что к чему, и, услышав приближающиеся шаги, сжалась ещё сильнее. Силуэт тучной и высокой женщины с керосинкой в руках обозначился у порога нашей новой обители. Её лицо и взгляд были едва заметны, но разочарование, заполнившее всё пространство вокруг, не требовало визуального подтверждения. Я не знала о ней, а она обо мне. О новой жене племянника. Такой жене.

— Я женился, тётушка. Это Лиза, — прервал повисшее молчание Владимир и щёлкнул выключатель. — Знакомься, Лиззет, это Наталья Васильевна Лиманова.

Несмотря на жёлтый свет нескольких небольших ламп, лицо тётушки Завадского белело на глазах. Быстро оглядевшись по коридору, она вошла в гостиную, тотчас закрыв дверь. Опёршись о полотно, она уставилась на меня непримиримым, колючим взглядом небольших синих глаз. Я отвернулась к Беккеру. И стояла ли овчинка выделки? Что ещё ждёт меня здесь? Сколько ещё лжи и унижений?

Раздался суровый, а следом уничижающий голос:

— Как... как женился, Володя?! Как?! На ком?!

В голове мучительно забилося желание вернуться домой, оказаться в родном отцовском доме или у Нины Захаровны. Но нет, нет и ещё раз нет. Даже если вернусь — всё будет уже не так. Совсем не так, как прежде.

— Это моё решение, — раздался вкрадчивый голос В.Д., в те минуты показавшийся спасительной благодатью. — И я не намерен его обсуждать. Ни с тобой, ни с кем бы то ни было ещё.

— Но как же... как...

— Тема закрыта. А насчёт ужина — если предложение ещё в силе — отказываться не станем, а на нет и суда нет.

Опешив на несколько секунд, тётушка выкрикнула:

— Ужин ему, ишь чего! Ну, племянничек! Ну, учудил! Вот бы Дмитрий Васильевич поглядел... на сына-дурака. Вот это номер... Ужин им... Кушайте, не обляпайтесь!

Хлопнув дверью, моя новоиспечённая родственница удалилась, а я только и смогла, что нервно рассмеяться ей вслед, всеми силами давя разъедающую обиду. Чужая. Инвалидка. И ничего больше.

— Наберись терпения. Она смирится.

Терпение, терпение, терпение. Я только и делаю, что терплю. Разве недостаточно физического увечья? Разве необходимо терпеть ещё и остальное?

— Отправьте меня домой, прошу. Дайте матери телеграмму и посадите на ближайший поезд. Мне не нужно больше ничего.

¹ Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» — здание на углу Невского проспекта (дом 56) и Малой Садовой улицы (дом 8) в Санкт-Петербурге, памятник архитектуры раннего модерна, построенный в 1902—1903 годах. В советское время официальное название магазина было «Гастроном № 1 „Центральный“», но ленинградцы продолжали звать его Елисеевским магазином.

Завадский наигранно рассмеялся:

— Ты ещё совсем ребёнок. Неужели не поняла: в жизни всё совсем не так, как мы ждём?

— Это потому, что такие как вы слишком много врут. Я больше не верю! Не верю ни единому вашему слову, Владимир Дмитриевич!

— Дело твоё, — безразлично отмахнулся он, подойдя к чемоданам. — Но мать вряд ли ждёт тебя назад с обломанными рогами. Так что разбирай вещи и устраивайся.

Я отчётливо ощутила, как горло сжимают подступающие слёзы, и, схватив зонт-трость, подъехала к роялю. Лихорадочно откинув крышку и с силой уперев деревянную ручку в педаль, я воспроизвела одной рукой неуклюжее форте-фортиссимо², прозвучавшее подобно небесному грому. Уши пронзила боль, а стены словно содрогнулись. На несколько секунд в доме повисла едва ли не абсолютная тишина. Лишь слышались за окном порывы ветра и тонкое поскрипывание покачивающихся фонарей.

— Сомневаюсь, что такие выходы понравятся нашим соседям, — процедил В.Д., испепеляя меня взглядом.

— Это ваши соседи и ваш рояль, и раз уж я ваша жена, то буду делать так, когда вздумается, пока не отправите домой.

— Нет, ты не ребёнок. Обыкновенная дура. Я дал тебе шанс выбиться в люди, исполнить мечту...

— Предпочту вбиться обратно. В нелюди. И больше не мечтать.

— Надо поужинать и отдохнуть. А тётушке, брату и соседям привыкнуть к твоему недугу. И ещё: упражняться лучше днём. Пока народ работает. Как бы хорошо ты ни играла — большинству это быстро надоест. Им так замечательно жилось, пока я был в ваших краях.

У плиты сустились сразу четверо: три усталые, но довольно вежливые соседки, вокруг которых в ожидании ужина сновала детвора, и Аркадий — двоюродный брат мужа по отцу. Тучный и высокий, как мать, он не менее сурово буравил меня взглядом, но, в отличие от неё, молчал. Лишь спрашивал о том, как добирались, а потом, когда народ разбрёлся по комнатам, рассказывал о каких-то именитых знакомых, выступающих в Театре сатиры и комедии, расположенном на втором этаже здания магазина Елисеевых, а ещё о винном погребе, находящемся там же и в былые времена считавшемся одним из лучших в Европе. Они с В.Д. запланировали навестить туда завтра днём. Вместе. Ведь без мужа Аркадий не решился совершить покупку. Но судя по некоторым деталям и манерам, я предположила, что дело обстояло в банальной жадности, ещё большей, чем была свойственна моему благоверному. Угораздило же меня попасть в эту семейку. Наталья Васильевна, на моё счастье, ужинать так и не пришла.

Аркадий помог В.Д. передвинуть в угол гостиной кровать, прижившуюся здесь после подселения. Ещё здесь стояла тахта, на которой без особого удовольствия разместился супруг — в его спальне был полнейший бедлам и испорчена кровать. Устроившись на непривычно мягкой пуховой перине вместо жёсткого матраса, что рекомендовал ещё Иван Митрофанович, я долго ворочалась, представляя, как туго мне будет здесь — в этом на первый взгляд красивом доме. А ещё предстоит что-то решить с обучением, и там мне наверняка, точно так же будут не слишком-то рады. Казалось бы, уже четвёртый год, как прикована к креслу, но привыкнуть смогла лишь физически. А душа... душа по-прежнему ищет свободы, только вот стены тюрьмы будто становятся всё выше и выше. В глотке стоял привкус чая с накипью — странный, будто бы

² Форте-фортиссимо (итал. forte fortissimo) — музыкальный термин, означающий «максимально громко», «громче, чем фортиссимо». Используется композиторами для обозначения кульминационных драматических моментов или экстремально интенсивного звука, превышающего обычное очень громкое звучание.

болотный. Похоже, водопровод — дело не такое уж и хорошее. В.Д., подобно мне, ворочался, скрипя пружинами старой тахты, на которой не мог вытянуть ноги.

— Расскажите об этом доме, — решила заговорить я, ведь после нашей перепалки, мы обменялись лишь парой общих фраз, да и те были сказаны для вида — во время ужина с Лимановым. Говорить с В.Д., конечно же, не хотелось, но кроме него у меня не скоро появятся собеседники. Я уже давно не та Лиза, что легко сходилась с людьми. Кресло сделало и продолжает делать из меня совсем иного человека и противостоять этим переменам я, увы, не в силах.

— Постройка XVIII века, как и большинство прочих, — нехотя заговорил супруг. — Принадлежал ещё моему прадеду — крупному коммерсанту своего времени. Он занимался арендой и продажей недвижимого имущества. Дед продолжать отцовское дело отказался, предпочтя военную службу. Служил капитаном линкора. Погиб в Цусимском сражении³, успев выдать мою мать за старшего мичмана, отцом которого был ассессор⁴ городского суда. Брак родителей продлился недолго: в ходе революционных беспорядков, в октябре 1917 отец был тяжело ранен и через несколько недель скончался. Дом, полноправной и единственной хозяйкой которого оказалась овдовевшая дочь классового врага с сыном-пятиклашкой, национализировали. Однако, благодаря дедушкиным связям, нам оставили целых три комнаты: две спальни на втором этаже и гостиную. Жить одной с ребёнком было опасно — подселить могли кого угодно. Поэтому мать через Наталью Васильевну людей нашла. Не арендаторов, нет, — в голосе В.Д. прозвучало нечто похожее на оправдание. — Так, временных жильцов. Служащих с Московского вокзала — проводников, машинистов. Им по суткам между рейсами ночевать негде. Оформляли как временно проживающих родственников — тётка в жилконторе всё утрясала. Там человеку деваться некуда, — муж хитро ухмыльнулся. — Платили они, конечно, исправно. Но не за комнату — за «хлеб да соль», на «коммунальные хлопоты». И главное — народ это был свойский, не болтливый. Своих они не сдают. Всё шито-крыто.

Он умолк, будто прикидывая, что именно лучше пока недоговорить.

— А потом, уже после смерти матери, пришлось одну из спален... уступить. Тётка свела с человеком — инженер с Кировского завода. Ему отчаянно была нужна ленинградская прописка. Для продвижения. Мы оформили это как обмен: он передавал нам свои права на комнату в общежитии, а мы ему — на эту спальню. В жилконторе снова помогли. А он мне — солидную доплату на руки, разумеется. Без расписок. Всё честь по чести. Рисковали, конечно. Но тётка его знала — человек был на виду, скандалить не стал бы. Он и сейчас там живёт. Все думают, что с нами в родстве.

Во время его рассказа я вспоминала историю с отцовским домом: те же «обмены», те же услужливые люди в конторах, те же деньги, оседающие в его кармане под благовидным предлогом.

— После моего отъезда в Энгельс тётка и в мою комнату человека подыскала по той же схеме — вроде как дальний родственник с Урала. Поутру съехал, да бардак устроил, и сетку на кровати прорвал.

Я усмехнулась про себя. Интересно, Наталья Васильевна сделала ему выволочку или она куда более горазда показывать боевой характер на ком-то вроде меня?

— А гостиную всегда берёг. И тётке велел смотреть в оба. Особенно за роялем — семейная реликвия. А Лимановы тут временно, хоть и жильцы настоящие, с договором. Но им хле-

³ Цусимское морское сражение — битва в Японском море 14 (27) мая — 15 (28) мая 1905 года в районе острова Цусима (Корейский пролив), в которой русская эскадра была полностью разгромлена. Большая часть кораблей потоплена противником или затоплена собственными экипажами, часть капитулировала, некоторые интернировались в нейтральных портах, и лишь четырёх удалось дойти до русских портов.

⁴ Ассессор (лат. *Assessor* — «заседатель») — в Российской империи — должность, соответствующая 8 классу в Табели о рангах (коллежский ассессор), должность в центральных госучреждениях XVIII века, при губернских правлениях XIX — начала XX веков.

бокомбинат скоро квартиру выделит. На Среднем проспекте, совсем рядом с комбинатом. А они там люди не последние. Тётка — зам. начальника производства, брат — поставками заведует. А когда съедут, тётка сюда свою пожилую коллегу подселить хочет. Та хоть и пенсионерка, но пока держится, а как сюда переедет, на заслуженный отдых уйдёт. Зав. складом готовой продукции, старушка — божий одуванчик.

Он утомлённо зевнул и умолк. Но в этой тишине явственно слышалось недоговорённое: «Вот и весь сказ о моём наследстве. Ни дома, ни состояния — только схемы, риск и три комнаты в коммуналке, две из которых и продать-то по-человечески не могу».

— Вы ничего не рассказывали, — выдавила я, хотя часть истории была уже не в новинку.

— Ты не спрашивала, — отрезал он, и в его тоне прозвучало не только привычное высокомерие, но и усталое раздражение — от необходимости признаваться, от моей наивности, от всей этой сложной, двойной жизни, что ему приходилось вести.

Но я действительно не думала ни о чём, кроме выгод, что извлеку из этого брака. А на деле каждая из них оказалась столь сомнительной, что хотелось прямо сейчас прикончить себя за столь непростительную наивность. Но разве ничего нельзя сделать?! Нельзя хоть как-то улучшить предстоящую здесь жизнь?

— Раз уж дом ваш, хоть и в прошлом, нужно собрать жильцов и убедить их, что пора навести здесь порядок: вывести плесень, починить проводку и увеличить количество лампочек. Не дело всё время жить в полумраке.

— Ох, ты умная какая! — рассмеялся В.Д. — Или совсем не понимаешь...

— Владимир, не нужно считать меня наивным ребёнком или душой, как изволили обозвать перед ужином. Я всё понимаю. Это будет недёшево. Столица. Другие цены. Но я поддерживаю ваши предложения по ремонту дома, а ещё завтра отправлюсь с вами в город, по всем делам, касающимся моего обучения и врача. Если нужно, я готова выделить необходимую сумму или продать что-нибудь из приданого. Но жить с плесенью совершенно не намерена! А ещё мне нужна сиделка.

— Не считать ребёнком или душой говоришь? И при этом собрать жильцов и убедить их, что нужен ремонт?!

— Я... — внезапное осознание лишило дара речи. Как глупо. Действительно. До чего же глупо! После его рассказа об этих жильцах. Об этом доме.

— Иногда мне кажется — за своими прихотями ты не видишь вообще ничего. И никого. Я решу вопросы как и когда сочту нужным, — сурово и сухо выдал муж. А твоя задача: сдать вступительные экзамены, начать учиться и продолжить писать музыку. Сиделку... сиделку подыщу, — озадаченно произнёс супруг и через несколько минут громко захрапел.

Глава 2 — Насущные вопросы

В.Д. встал очень рано, навёл порядок в спальне на втором этаже и починил сетку на постели. Когда я проснулась, он уже читал газету, сидя в кресле у окна, гладко выбритый и одетый в свой лучший парадно-выходной костюм. Вопреки всем моим настойчивым просьбам отправиться вместе в город, который едва успела рассмотреть из окна поезда и по дороге к нашему жилищу, муж оставил меня одну среди незнакомых людей. Не представляю, к кому обратиться, когда захочу справить нужду. Косые взгляды и некая враждебность вызывали желание вообще не высовываться из гостиной. Даже рада, что поутру почти все разошлись на работу и по делам. Я подъехала к роялю. Напротив располагался камин, над которым супруг уже успел повесить картину с розами, напоминавшую о том ужасном дне, когда сделал мне предложение. Слева от камина стояла тахта и несколько кресел. Моё спальное место — узкая кушетка, как в госпитале, размещалась в самом дальнем и укромном углу. Всё необходимое рядом: постель, рояль, круглый, полированный столик с резными ножками, за которым буду писать родным письма. Надо сообщить маме и Шуре, как устроились. Но это позже. За недельную дорогу я неимоверно сильно истосковалась по клавишам, и потому засела за Беккер, проигрывая придумавшуюся в поезде мелодию и записывая ноты в тетрадь.

Я застряла на одном из фрагментов, раз за разом воспроизводя его то так, то эдак, как вдруг раздался стук в дверь. Ну вот, кому-то уже невольно слушать мои импровизации. И как В.Д. вообще представляет себе возможной мою учёбу?! Вопреки опасениям, за дверью прозвучал взволнованный, девичий голосок:

— Я от вашего мужа. Сиделка.

— Входите! — не менее взволнованно отозвалась я, повернувшись к двери.

Представшая передо мной особа была примерно моего возраста, даже младше.

— Здрасти! Я Маруся, — дружелюбно и немного робко представилась девушка.

— Добрый день. Елизавета. Можно просто — Лиза.

Тряпчонки на девушке были очень ветхими, но при этом чистенькими и безупречно выглаженными. Из себя она была очень миловидной. Светло-русые волосы, ясные, голубые глаза, точёный стан и высокий рост. Вовсе не удивлена, почему Завадский её нанял. Как это мерзко! С другой стороны, она может отвлечь его от меня до того, как он найдёт себе очередную Илину Ленинградского розлива.

— Это вам от мужа, — тотчас протянула мне девушка что-то в красивой обёртке с лентой.

Я изумилась, развязав свёрток, в котором лежали мочалка и душистое мыло. Странно, что В.Д. так разорился. Недоброе чувство сжало сердце.

— Он сказал — вы вчера с дороги. Надо бы выкупаться, а помочь было некому.

— Но... — слегка растерялась я, хоть к помощи посторонних в подобных делах после жизни у В.Д. в Энгельсе уже привыкла. Тем более эта девушка гораздо приятнее его соседки, и лучше уж пусть меня купает она, чем муж. А может, я, к собственному восторгу, стала ему омерзительна после того, что всю дорогу до Ленинграда и уже здесь любимый муженёк помогал мне справлять нужду. Всякий раз это вызывало просто неопишуемый стыд, отчего я почти перестала есть и пить, усохнув, как таранка.

— Не волнуйтесь, сейчас управимся, хозяйка!

Так непривычно — «хозяйка», но весьма приятно. Моё аристократическое происхождение даёт о себе знать. Пока я расплела косы и приготовила сменное исподнее и свежее платье, Мария ушла в кухню — греть воду. Девушка завезла меня в ванную комнату, помогла раздеться и на удивление умело переместила из кресла в купальню. Похоже — опытная, и руки сильные. Хотя с моим бараньим весом ей должно быть не так сложно. Погрузившись в тепло-горячую воду, я с блаженством выдохнула. Как же это приятно — впервые в жизни выкупаться в ванне,

вместо тесных корыт, ушатов или бочек. А ещё лучше то, что можно просто расслабиться и плескаться, как в реке или озере, только очень тёплом и с нежным, цветочным запахом мыла. А когда станет прохладнее, можно попросить Машеньку добавить немного кипяточка.

Маша помогала тереть спину. Смущённо разглядывая моё лицо и тело, она неожиданно произнесла:

— Вы очень красивая, но уж больно тощенькая. И кожа у вас такая светлая. Белоснежная.

Я изумлённо уставилась на неё, вспомнив, как говорили о моей красоте Гессы. Зачем она это сказала?! Ностальгия тотчас захлестнула меня с головой. Вилфрид. Вальдемар. Ни один из них меня, наверняка, уже и не помнит. Володя так и не сумел простить обиды, а Фриду просто нет и никогда не было до меня дела. Я им не нужна и безразлична, какой бы красивой ни была. Как хотелось бы объяснить всё только стыдом, обидой или принципами, но всё ещё проще и прозаичнее. Инвалидка есть инвалидка. И ничего больше. Никогда.

— Простити, — смутившись от моего пристального взгляда, произнесла Мария, виновато опустив глаза.

— За что? Сказала, что думаешь. Не все решаются сделать комплимент. Это хорошая черта. Ты тоже очень мила и нежна. Замужем?

— Нет, рано ещё. Мне только 17. А так бегаит за мной один малый, но не до него мне. Матери помочь нужна.

— Ну и правильно, не торопись. Это меня вот обстоятельства заставили, — покосилась я в сторону коляски. Буду говорить этой девушке всё. Пусть передаёт Завадскому. Но почему-то мне показалось, что могу ей довериться.

— Вы не любите хозяина? — бездумно спросила она, и тут же стала смущённо извиняться.

— Нет, не люблю.

— А как же вы... как вы с ним спити? — девушка краснела, но любопытство брало верх.

— У нас ничего не было и нет. Я люблю другого.

— Значит вы ещё девушка?

Внутри забились стыд и волнение. Сказать ей правду или солгать?

— Нет, — решила выдать то, в чём был уверен Завадский. — Однажды я была с тем, кого люблю.

Внутри всё содрогнулось и затрепетало. Я ни разу не говорила и не думала об этом, разве что вспоминала последний, наполненный слезами безысходности поцелуй. Но сейчас я расплывчато представила Гесса здесь — рядом со мной под толщей воды. Мой милый Лучик, ты ли это? Эти пальцы, скользящие по моей коже. Они ласкали скрипку или обнимали кисть? Сверкающие капельки, падающие с пшеничных прядей на мою белоснежную грудь. Чьи это волосы? Чья улыбка, ускользающая из виду после нежных поцелуев? Чьи глаза, что жмурятся от ярких лучей из узкого оконца рядом? «Вальди?» — шепчу я в мыслях, но он не отзывается, а лишь растворяется в блеске воды и солнца.

Слёзы подступили к горлу, и я, не в силах себя остановить, стала плакать, закрыв лицо рукой. Это короткое видение так прекрасно, но теперь мне невообразимо горько и стыдно. Я давала клятвы одному, но в грёзах продолжают жить оба. Единственное, что известно наверняка — всё останется лишь грёзами. Навсегда.

— Ш-ш-ш, не плачьти. Ща я вас вытащу, вы вся труситесь.

Достав меня из ванны, Мария помогла обтереться и одеться, а затем отвезла обратно в гостиную. Пока я расчёсывала локоны, сидя напротив трельяжа, девушка по-прежнему меня разглядывала, попутно вытирая пыль с зеркала и выдавшей виды столешницы. Вспомнился туалетный столик Полянской из морёного дерева. На нём вот так же стояли ныне ставшие моими шкатулки с украшениями из серебра, позолоты и золота, с диковинными камнями: гра-

натом, янтарём и лазуритом. Они не столь ценны для ювелиров, как, к примеру, сапфиры или алмазы, но так необычны и будто загадочны, а их значение не менее интересно. А вот и обруч с цветами. Тот самый, что надела в наш с Вальди первый и единственный день, почти полностью проведённый вдвоём. Что стало с моим милым мальчиком? Как живёт? Смогло ли хотя бы слегка выпцвести клеймо позора, как выпцвело моё?

— У вас очень красивые волосы. Смоляные. Густющие. Коса, поди, у руку?

Не понимаю, почему она мне всё это говорит. Простое подхалимство, или я и вправду её так восхищаю?

— Простити, — отвела глаза сиделка, протирая полированный столик.

— Скажи, зачем ты мне льстишь? Я не собиралась тебя изводить. У меня нет такой привычки.

А вот шкатулки надо бы закрыть на ключ, а лучше вообще спрятать. Кто знает, зачем она подхалимничает, прикидываясь при этом сущей простушкой.

— Я не... я не знаю, что это, — наивно сказала Маруся.

— Лесть — это хвалебные слова, сказанные, чтобы кого-то задобрить. Как правило, они не являются правдой.

— Я не брешу вам. Будь я мужиком, я бы в вас улюбилсы.

Я расхохоталась, едва не выронив гребень.

— Да кому такая нужна?

— А тот, с кем вы были... он вас не любил?

— Нет. Не любил. Даже когда была здорова, — ответила я, от досады не сумев пресечь беседу.

Меня поразило то, как быстро у нас с Марией состоялся такой откровенный разговор. Что повлияло на меня? Обнажив тело, я обнажила и душу. Или дело в ней? Почему она так любопытна? Или просто не умеет себя вести?

— Он, поди, безглазый? Вас нельзя не любить.

— Глупости. Откуда ты знаешь? Любят не за внешность.

— Мужики любят глазами. А ещё вы очень красиво играети. Я стояла за дверью и усё слыхала.

Подслушивала... а если бы это была не музыка, а, например, беседа с мужем, не предназначавшаяся для чьих-либо ушей. Она и вправду такая простушка или прикидывается? К тому же, мне уже не верится, что у неё был опыт сиделки.

— Если бы вы берегли себя, он бы вас уважал... и ходил бы облизывалсы, как кот на сметану, а вы поспешили. Мать говорить: стол гризи, но не поддавайси.

— Маша, ты уже ухаживала за кем-то раньше? — перебила я нравоучения, с которыми, по правде говоря, была абсолютно согласна.

— Нет.

— Оно и видно, совсем не умеешь себя вести, — я говорила с неловкостью, ведь совершенно не собиралась строить из себя «хозяйку», как она уже успела меня назвать. Я лишь хотела пресечь на корню это простодушное, неуместное, любопытство.

— Простити.

— Для начала — брось постоянно извиняться, а потом продолжать делать то же самое. И, пожалуйста, не подслушивай, ну или хотя бы научись не трубить об этом во все концы. Не льсти, раз теперь ты знаешь, что это. И не лезь мне в душу. Я едва тебя знаю.

— Хорошо. Я исправлюся.

Я кивнула, с облегчением завершив свои «хозяйские» наставления. Надеюсь, в дальнейшем мне не придётся снова к ним прибегать. Разве что понемногу начать подсказывать ей, как правильно говорить. Эта деревенская речь ужасно резала слух, и я никак не могла понять: откуда, здесь, в Ленинграде, такая безграмотность?!

— Тот чумадан, — кивнула Маша на баул В.Д., со вчерашнего вечера стоявший у двери, — его, наверно, надо разобрать? Вам помочь?

— Разбирать не нужно. Отнеси, пожалуйста, в спальню Владимира — на второй этаж. Разберёт сам. Вот ключ, — отозвалась я, ощущая нечто непривычное и неприятное. Я не любила просить. Но тут я как бы и не прошу, а даю распоряжения, и это нравится мне ничуть не больше. Руки принялись крутить колёса, направляя коляску к роялю.

— Вам туды? — кивнула Маша на Беккер и тут же встала позади моего транспорта. — Вы говорити. Усё что надо изделаем. Сиделку-то, чай, не просто так нанимають, — в её звонком голосе чувствовалось искреннее желание помогать, заботливость и теплота. Как же хочется, чтобы он не врал. — Ну вот. Играй. А я чумадан снесу и пол вымою. Дюжа пыли по углам много. А потом обед сварю. Только скажети что игде. А как поедим, ежели захотити, на прогулку съездим. Музыка музыкой, а головешка-то — она воздух любить! — шутливо отметила Маша, ухватив чемодан.

— Хорошо, спасибо! С удовольствием съезжу проветрить головешку. Если Владимир ещё не вернётся, — тепло улыбнулась я девчущке, быстро скрывшейся за дверью и громко затопавшей по лестнице. Как хорошо, что она сама дала себе задания!

Набережная была самым чудесным местом, которое я когда-либо видела. Нарядные, торжественные и величавые здания на фоне реки приводили в неописуемый восторг. Когда-то я мечтала жить в доме с видом на Волгу, но теперь моему взгляду из окон гостиной открыт вид на Неву. Ещё вчера я с первого взгляда влюбилась в этот достославный, гранитный город. А сегодня мой восторг и вовсе не знал границ. Столько великих людей — художников, музыкантов и писателей родились и выросли здесь! Столько поэтов воспели этот город и эту набережную в своих стихотворениях!

Теперь я в полной мере прониклась строками Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,

Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное течение,

Береговой её гранит...

Я ощущаю благоговение и невероятный подъём, наблюдая величие природы, обрамлённое трудом человека. Сколько людей работали здесь, оставив память о себе в веках, озарив эти места светом человеческой души. Я впервые за долгое время вспомнила о Господе, чувствуя благодарность за то, что он даровал мне возможность увидеть такую красоту. Красоту и искусство, достойное самих небес.

Мария неспешно везла меня вдоль правого берега Невы — по университетской набережной, неумело и весьма кратко рассказывая о достопримечательностях: музее Кунсткамеры, здании 12 коллегий, дворце Петра II и Меншикова, о сфинксах и грифонах, о здании Академии художеств, потом перечислила основные районы города.

— Я живу в ентом жа, что и вы — Василеостровском. Но с другого боку — отсель долечено. Брат читал, а опосля нам рассказывал, что Пётр I собиравсы сделать остров рыбака Василия центром городу, да опосля смекнули — ан неудобна. Каналов много. Для застройки и житья — помехи. Так вот, продавала я, значит, пирожки у морского вокзала, как откуда ни возмись, налетели милщеры и погнали меня взашей поганой метлой. Говорили, мол, не положено. И тут хозяин. Чаво, говорит, тут ошиваешься, или не знаешь, шо запрещено здесь торговать? А я ему: Так спровадили меня уже изо всех мест. Не знаю уж куда тапереча податься,

а денег нетути. Мать хвора и голодуя, и сестры голодуют. А он мне: Пойдѣшь ко мне у дом? Сиделка мне нужна для жены и по дому помощница. А я возьми да согласись. А шо? Денег он мне пообещал, конечно, не бог весть сколько, но зато кормѣжка и угол свой у доми. Раз у неделю мать разрешил проведывать. Вот таперча и буду у вас работать, покуда не выгонити. Вот только нонча вечером домой сбегать надобно — мать обрадовать.

— Сколько вас у матери?

— Пятеро. Три сестры младших, да старший брат — Алёшка — моряк. А сѣстры малые ещѣ. Старшая — Клавка, у седьмом классе. И Зинка с Нинкой у третьем, да у первом.

— А ты училась?

— Да. Три класса. Мы у селе жили — Гламаздино — у Курской области. Хозяйство держали. Раскулачили нас. Папку застрелили. А брат нас у суды вытянул — к отцовской дальней родне. Он у нас малый башковитый. Таперча и Клавка сем классов кончит и на работу пойдеть. Это меня Марусю — деревенскую не беруть никуды. И смеются с моего говора.

— Так учись говорить правильно. Я в этом деле, если захочешь, помочь могу. Ты ещѣ совсем юная — грамоту легко освоить сможешь.

— Да не до грамоты мне. Работать надо. Сестѣр подымать. Брат у море ушѣл, а мать больная — одна не сдюжит.

— А что с ней?

— Так вот как и с вами... неходячая она.

Ну надо же, как совпало... Теперь я поняла, откуда в Марусиных руках столько силы. Не впервой ей, бедняге, лежащих таскать, а деваться некуда.

Под вечер, нагулявшись вволю, мы вернулись домой. В гостиной, сидя в старинном кресле со стѣганой обивкой и блаженно потягивая папироску, уже сидел Завадский. Он посетил парикмахерскую, лишившись небрежно отросших, волнистых волос. Короткая стрижка подходила ему больше, отвлекая внимание от сильно поредевшего со дня нашей свадьбы лба.

— Лиззет, жду твоих поздравлений! — довольно начал он, оторвавшись от каких-то чертежей и схем. — Решил ещѣ три насущных вопроса. Маша, ступай-ка приготовь нам ужин.

Маруся покорно кивнула и, подкатив моѣ кресло к мужу, удалилась в кухню, судя по тишине, пока ещѣ свободную от соседей. Обращение Завадского к ней было весьма равнодушным, с толикой пренебрежения. Похоже, мои надежды на то, что она отвлечѣт супруга, оказались напрасными. Да и после беседы с этой милой и наивной девушкой, я лично перегрызла бы глотку этому распутнику.

— Во-первых, меня мобилизовали на службу. Правда, не на «Энгельс», а на учебный эсминец. Будь они неладны! Пообещали, что к товарищам вернусь, а теперь говорят, раз контузия — не положено, да и коллектив у них давно сложился, все как семья. Вот и предложили вести артподготовку на «Якове Свердлове» — вольнонаѣмным преподавателем, по договору. Опыт преподавания пришѣлся весьма кстати. Согласился без раздумий. С моими глазами — спасибо, что вообще на флот взяли, и платить обещают прилично. Эсминец почти такой же, как «Энгельс» — тоже новик, вооружение аналогичное, чуть отличается система управления огнѣм. Ну, ничего — разберусь, привыкну. Вот уже и инструкции по приборам в штабе прихватил. Зато говорят, там каюты попросторнее будут. А к простору-то мы быстро приспособимся, правда, Лиззет? — усмехнулся В.Д., в очередной раз не преминув напомнить о своём огромном доме и о том, что я должна быть вне себя от счастья и при каждом удобном случае кланяться ему в ноги. — В общем, в субботу вечером я тебя покидаю. А с завтрашнего дня — и это вторая новость — тобой займѣтся физиотерапевт, с сорокалетним стажем — Геннадий Андреевич Ветровский. Поставил на ноги чуть ли не половину города. Врач в третьем поколении. И, наконец, третье — я встретился с Евгением Сергеевичем и Яковом Иосифовичем — теми самыми своими преподавателями, о которых тебе рассказывал. Они оба, заведующий кафедрой (его я тоже знаю, но не близко) и ещѣ пара педагогов будут ждать тебя послезавтра

к 17 часам, чтобы оценить способности и принять решение о том, как поступить дальше. Это, так сказать, первый этап. Но решение за деканом, — деловито произнёс муж, убрав в стоявший рядом с креслом портфель свои рабочие бумаги и схемы и вытащив какую-то брошюрку, протянул её мне. Я бегло пробежалась глазами по программке с перечнем преподавателей и дисциплин фортепианного факультета музыкального училища имени Римского-Корсакова, остановив взгляд на требованиях к абитуриентам.

Завадский тотчас расхохотался:

— Не думал, что возможно побледнеть ещё сильнее.

— Вы в самом деле считаете, у меня есть шанс сюда попасть? — растерянно лепетала я, судорожно перечитывая список предстоящих вступительных испытаний и одновременно представляя, как качусь в кресле по бесконечно длинным коридорам среди сотен здоровых, ходячих студентов, уже отучившихся первую сентябрьскую декаду. А ведь там помимо всего прочего, наверняка, уйма лестниц... Как быть с ними? Может, действительно проще всё провалить, чем каждый день карабкаться на этот Эверест?

— Стал бы я пытаться тебя устроить, если б думал иначе? Но нужно как следует подготовиться, чтобы не ударить в грязь лицом перед моими старыми знакомыми.

— Улица Некрасова 4/2, — растерянно прочла я адрес училища, — это далеко?

Завадский озадаченно кивнул.

— Почти в полутора часах пешком... С транспортом, сама понимаешь, будут сложности. Вся надежда на Машу.

— Но как же... И здесь нет факультета композиции.

— Зато после Римкора прямая дорога в консерваторию. Училище ведь входит в её состав. А там тебе хоть композиторско-дирижёрский, хоть вокально-режиссёрский.

Очень смешно, в коляске только и осталось, что заделаться в певицы. Хоть бы вообще взяли. Для начала в училище.

— Поступишь, не дрейфь, — будто прочёл мои мысли Владимир. — Поначалу будет трудно... Всё незнакомое. Я далеко. И твоё положение... Но ты сильная — справишься.

Я уткнулась глазами в брошюрку, спрятав от мужа исполненный неистового страха взгляд. Мне стоило вовремя оставить иллюзии, но уже слишком поздно. Будто не замечая моих эмоций, муж со всеми подробностями стал рассказывать о том, как он добился восстановления на службе, и как удачно встретил в штабе старого товарища, который и порекомендовал ему обратиться к Ветровскому. Он по обыкновению говорил вкрадчиво и негромко, как на наших занятиях. И я мало-помалу успокаивалась, словно переносясь за родной «Красный Октябрь» в отцовский дом. Этим вечером он сказал гораздо больше, чем за всё время, прошедшее с тех пор, как мы покинули Энгельс. И, как бы мне ни было страшно, всё же было так приятно, хоть и слегка странно услышать от мужа слова поддержки. Да, всё-таки худой мир лучше доброй ссоры. Быть может, так и будем жить потихоньку. К тому же он скоро уедет, и я буду здесь полной хозяйкой. Как говорится, муж должен быть хотя бы для того, чтобы понять какое это счастье, когда его нет дома.

— А теперь, пожалуй, самое главное: я успел встретиться с парочкой консерваторских сокурсников. Сейчас они весьма видные члены СК. Показал композиции. Остальные. Часть показывал тогда зимой — в прошлую поездку. Не стал говорить, потому как не услышал от них ничего конкретного, — с неясной интонацией проговорил В.Д. и замер, будто намеренно томя неопределённостью.

— И? Что теперь? — нерешительно вымолвила я, боясь того, что все труды оказались напрасными и не нужными совершенно никому.

— Твои творения называли эклектичными.

— Экле... что? Что это значит?

— Разнородными, не имеющими определённого стиля. А ещё слишком своеобразными — словно не из нашей эпохи.

— Я знала, что это музыка не для всех и что таким, как они, она не понравится! Не стоило им показывать! — тут же будто в горячке выпалила я. — Зря вы это сделали...

— Да подожди ты! Не кипятись. Эkleктика существует и существовала. И в литературе, и в живописи, и в архитектуре. И она не всегда равнозначна чему-то безвкусному и подражательному. В твоих работах никто из членов СК не увидел и намёка на плагиат. Более того, некоторые отметили разноплановость, непохожесть композиций. Не каждому композитору это свойственно, — с нотками плохо скрываемой зависти выдал муж. Ведь его работы были едва ли не братьями-близнецами. — Просто мнения сильно разделились. Пришлось изрядно попотеть, чтобы убедить некоторых товарищей, что новое — порой вполне оправданный риск. И мне это удалось! — победно воскликнул муж, резво вскочив с кресла и достав из портфеля бутылку вина. Его глаза, пожалуй, никогда не излучали такого пронзительного сияния. — Но работ мало, Лиззет. Крайне мало, — ухватился он за поручни кресла и подвёз меня к тахте, стоявшей у журнального столика. И следом плюхнулся рядом, поставив на стол десертный кагор. — Для сборника десяти выбранных ими композиций явно недостаточно.

— Сборника?! — едва вымолвила я, не веря в реальность происходящего, и тотчас забыв о том самом слове, с явным нехорошим значением, ведь, несмотря ни на что, на публикацию моих трудов дали добро. Вместе с тем тут же стал давить груз ответственности перед предстоящим написанием новой музыки, что должна оказаться не только удобной в глазах профессионалов, но и соответствовать духу времени, с чем, по мнению этих людей, В.Д., да и по моему собственному, имеются особые трудности.

— Именно!

— Но... но... десять это ведь уже достаточно. Вы как-то говорили...

— Нужно ещё минимум столько же, а то и в два раза больше. Так сказать, задел наперёд. Тем более, что отбраковка бывает жёсткой. Цензура, сама понимаешь. А ещё нужно будет придумать название.

В комнату робко заглянула Маша:

— Ужин готов.

— Прекрасно! Накрой здесь. Отметим начало новой жизни! Вино из хвалёного Аркашей погребка. А с ним выпью перед отбытием.

Мария подала нам отменное жаркое и угостила пирожками, которые так и не смогла продать утром, а после, с разрешения В.Д., отправилась домой. Наталья Васильевна и Аркашенька, на моё счастье, тоже уехали — ещё днём на именины к какой-то актрисе из того самого театра сатиры и комедии. В.Д. сказал, что брат вот уже десять лет как находится в поиске жены, да всё безуспешно. Забавно. Особенно то, что ищут они её вместе с мамой. Зато сегодня эти двое не попадались мне на глаза — и это прекрасно.

Ужин подошёл к концу, и мы, слегка захмелев, долгое время обсуждали общую тему и посыл моего сборника и проигрывали на разные лады тот незавершённый фрагмент, придумавшейся в поезде композиции, как и прежде потеряв за музыкой счёт времени. Соседи пока не жаловались. Всё же добротная дубовая дверь довольно хорошо изолировала звук. А сама гостиная с высоким, скатным потолком была столь удачной с точки зрения акустики, что прекращать музицирование не хотелось вовсе. Градус неприязни между мной и мужем значительно снизился. Я даже поймала себя на мысли, что скучала по нашей совместной игре и разбору композиций, по его разговорам о жизни и шуткам. Давно перевалило за полночь, а муж, неспешно покуривая и потягивая красное из бокала, всё давал советы относительно нового сочинения, делая особый упор на ритм и тональность:

— Ещё раз напоминаю: не увлекайся минором. Мало кому по душе тоска. Иначе это, — муж окинул взором изобилующий поправками черновик, — постигнет та же участь, что «Лес-

ной дух» и «Хрустальный свет». Само собой, они предпочли «Одержимость», «Алое знамя восхода» и «Огненную капель».

— Ну, ещё бы... Алое знамя — в фа мажоре и писалось исключительно в угоду теперешним идеям. Соцреализм в музыке, — процедила я. Знал бы ты, мой дорогой благодетель, с какой неохотой мне приходилось и приходится выполнять подобные указания. И если мою новую, ещё не написанную, музыку сочтут «безвкусной и подражательной» — не стану пересиливать себя и лезть из кожи вон ради чьего-то удовлетворения и найду тех, кому она придётся по душе. В конце концов, В.Д. точно не стал бы ломать копья на ровном месте, доказывая членам СК, что эти композиции имеют право на жизнь, будь они ему не по нраву. Стану писать для друзей и знакомых, для Вальди, в надежде, что он однажды всё услышит. — А «Одержимость» вообще пустяковина... Вот уж не думала...

— Кроме «теперешних идей», СК учитывают предпочтения простых слушателей. Не всем по душе наши композиторские ухищрения и тем более душевные терзания, — ухмыльнулся Завадский, прекрасно понимавший, что большая часть моих творений вдохновлена, как он любил выражаться, «личной драмой». — Ты ведь пока не Шуберт⁵ с его меланхоличной тоской и смехом сквозь слёзы. Да и тот, как ты должна помнить, дождался, пока музыкальный мир услышит его сочинения лишь незадолго до смерти.

— Да, единственный концерт в Вене в марте 1828 года.

— Ну вот. Так что порой лучше не упрямиться, а прогнуться под систему. А что насчёт названия?

— Надо подумать. Возможно «Последняя весна» или «Холодная весна».

— Опять двадцать пять! Зелёная тоска. И не понимаю, к чему вообще использовать слово «последняя» в первом же сборнике?!

Ну да, где уж тебе понять, почему та весна, которой посвящена большая часть моей музыки, едва ли не стала для меня последней в самом прямом смысле этого слова?

— Будет понятнее, когда утвердят полный перечень композиций.

— Для начала их надо написать. Этот черновик доработаем до моего отбытия. А за пару следующих месяцев тебе надо будет написать ещё хотя бы шесть.

— Но как же?! Вы отбудете, а мне...

— Будешь высылать черновики в письмах. А я направлять их обратно с поправками. А зимой, как раз на твои каникулы, навигация закроется, флот на зимовку встанет, и я приеду — встречу с руководством СК и договорюсь о публикации. Редакционный портфель сейчас забит, зимой должен быть свободнее.

— А если...

— Никаких если! Ты справишься — я уверен. По правде, большинству из них понравились все работы. Даже те, что я почти не редактировал. Это ли не триумф? Твой и мой, как преподавателя! Но сама понимаешь — над ними своё начальство, и надо научиться отвечать требуемым характеристикам и формам.

— Как думаете, наступит ли когда-нибудь время, когда творчество станет абсолютно свободным?

— Ницше писал: «Бог мёртв». Коммунисты с ним, пожалуй, согласились бы — только место Бога заняла партия.

— Вот только дело совсем не в Боге, а в тех, кто возносит себя ещё выше.

Усмехнувшись, Завадский пожал плечами.

⁵ Франц Петер Шуберт (31 января 1797 — 19 ноября 1828, Вена) — австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке. В камерной и симфонической музыке Шуберт демонстрирует своё неповторимое и независимое музыкальное мышление, значительно отличающееся от мышления жившего и господствовавшего в то время Бетховена.

— Любишь ты пускаться в рассуждения, а потом горевать понапрасну. А мир таков, каков он есть. Не трать время на стремление понять пониманию не подлежащее, — подвёл итог В.Д., взглянув на карманные часы. — Давай лучше посмотрим, как разводят мост. Из окна моей комнаты вид просто завораживающий.

Я кивнула, и муж тотчас поднял меня на руки. От вина голова слегка закружилась, и я тотчас передумала, попросив уложить спать, но Завадский живо нёс меня по лестнице, убеждая, что как только увижу зрелище, сразу же отправлюсь в постель. Плесени в его спальне, как ни странно, было даже больше, чем в гостиной, даже несмотря на утреннюю уборку. Муж усадил меня на стул у окна. Какой же спёртый и тяжёлый дух в этой комнате. Первым делом я попросила открыть ставню, и только потом, вдохнув прохладный запах Невы, стала любоваться набережной с фонарями и медленно поднимающимся треугольником Шмидтова моста.

— Красиво...

— Да, романтика.

То, что было дальше, вспоминать нет мочи. Я, действительно, отправилась в постель, вот только не в свою. Он погасил пару горевших в комнате свечей и украл, украл то, что я берегла и хранила. Его мерзкие пальцы, его губы, его дыхание с кислым привкусом сигарет, запах его тела — пот и спиртное, которое он употреблял на сон грядущий почти ежедневно и в дозах, далёких от лечебных. Слегка захмелевшая и отвлечённая рассказами и мнимым участием мужа, я наивно полагала, что просто посмотрю в окно, и он отнесёт меня обратно в гостиную. Простодушно надеялась, что наш уговор в первую брачную ночь остался в силе. Но я не учла, что в этом городе были иные правила, и мне совершенно некому рассказать о его старой связи с собственной студенткой. Да и кто мне поверит? И кому вообще есть дело до того, что было в полутора тысячах вёрст отсюда. Отныне я ненавижу этот чёртов мост, этот красивый, но теперь такой пугающий вид из окна на английскую набережную и адмиралтейскую иглу. Вид, который стоил мне первой ночи с мужчиной. С мужчиной, который мне противен. Противен во всех смыслах этого слова.

Едва сдерживая слёзы, я дождалась момента, когда он оставил меня, тяжело дыша, скатившись на свободную часть постели. А потом, почти до самого утра, в этих затхлых, сырых стенах звучал лишь его громкий храп, а я думала о том, что утратила навсегда. Кто виноват? Моё положение или моя наивность? Вера в добро и человечность? Ожидание того, что кто-то искренне решил помочь? Опороченное имя? Может, причина этого брака — смерть отца и беспомощность матери? Или бедность и отчаянное желание красиво жить? А может страх оказаться жертвами «правосудия» вслед за остальными? Несбывшиеся мечты о Гессах и обида? Сломленная воля, помешавшая начать жить с чистого листа, что почти уже было сделано? В любом случае, кроме себя самой, винить абсолютно некого. Я заплатила за жизнь в столице — красивую или не очень, за училище и за врача, которые пока были лишь на словах. Заплатила своей честью, а Завадский лишь воскликнул от недоумения: «Что? Что за чёрт? Ты невинна?!» и с надменной усмешкой в голосе продолжил: «Чиста и непорочна, аки агнец божий! Была!».

За завтраком муж имел наглость задать вопрос, снова задев моё болезненное место, обильно посыпав свежую, кровоточащую рану солью:

— Кто ж это вздумал тебя так опозорить?

— Подруга.

— Хороша у тебя подруга, — захохотал он. — Поедем к родным — познакомь. Отблагодарить хочу. За приятную неожиданность.

— Опоздали. Уехала она. Теперь от Сталина благодарность получает, как дочь «врага народа»! — с ненавистью прорычала я, и разочарованный муж прекратил беседу.

Я простила Алевтину, но теперь, после вчерашней ночи, обида вспыхнула с новой силой. Если бы не её сплетни, кто знает, может и вышла бы замуж за какого парня, несмотря на коляску. Но из-за тех кривотолков единственным претендентом оказался Завадский.

Глава 3 — Холодный город

После визита в училище и беседы с преподавателями и заведующим кафедрой я, наряду с обязательными вступительными испытаниями, сыграла одно из своих сочинений и продемонстрировала прекрасный уровень теоретических знаний. Вот только все мои потуги впечатлили лишь половину приёмной комиссии, собравшейся в данной так называемой внештатной ситуации. Среди присутствующих была совсем юная, но очень талантливая композитор Галина⁶ Уствольская, два года назад закончившая Римкор и поступившая в консерваторию, в класс композиции Шостаковича⁷, став в нём единственной ученицей. Разумеется, от одной только фамилии знаменитого композитора, педагога и пианиста, всё внутри затрепетало от благоговения. Как часто и восхищённо Завадский говорил о нём, слово в слово пересказывая одни и те же истории о парочке коротких диалогов с Дмитрием Дмитриевичем на встречах СК. С течением времени частота этих воспоминаний сокращалась, а восхищение мало-помалу сменялось затаённой завистью. Вероятно, это чувство зародилось в нём с самого начала, и чем дольше он с ним жил, чем успешнее становился «конкурент», тем сложнее стало его скрывать.

Уствольская, конечно, не входила в приёмную комиссию — просто присутствовала и после моего выступления едва слышно о чём-то разговаривала с заведующим кафедрой. Как я узнала намного позже от преподавателя теории музыки, она сказала, что разглядела во мне нечто общее с ней самой. Тогда мнение Уствольской о моих способностях поддержали немногие, но тем не менее скептически настроенный завкафедрой, скрепя сердце и памятуя о просьбе Завадского, наконец, подписал приказ о моём зачислении на 1-й курс фортепианного факультета. Я получила путёвку в будущее, мысленно поставив карандашом очередную галочку в списке достигнутых целей и сбывшихся надежд. Закончив Римкор, я жирно обведу эту птичку, коих пока у меня всего лишь две, включая полное общее образование и первую работу. А задача с креслом так и продолжает висеть, порой лишая всякой воли к жизни, так же как и задача выпустить первый сборник музыки. Надежду обрести любовь я, связав свою судьбу с В.Д., полностью оставила.

Кроме новостей, перечисленных мужем в первый день нашего пребывания в Ленинграде, была ещё одна новость, которую он, без зазрения совести от меня утаил. Выяснилось, что часть имевшихся у Завадского сбережений, и все деньги, вырученные с продажи отцовского дома, ушли на выкуп второй, проданной в своё время, спальни. Я снова осталась с носом. Без прав на жильё и без денег, ведь сделка была оформлена задним числом — до даты нашего бракосочетания. Теперь ясно, зачем ему были деньги, и почему он не распространялся об этом доме, когда пришёл свататься. Не знаю, кто помогал ему на сей раз, но теперь мне кажется, что «нужные» люди у В.Д. есть повсюду. Я боюсь этого человека, хотя забирать у меня больше абсолютно нечего.

Но зачем ему нужны эти спальни? Ремонтировать их не за что. Не лучше ли было бы продать все три комнаты и подыскать что-то более уютное и менее затратное? Он ведь не может даже похвастать приобретениями — ведь подобная рисовка нынче опасное дело. Какой смысл жертвовать собственными здоровьем и комфортом? Точнее моими. Ведь в конце недели Владимир уже отчалил на службу. Похоже, тешить самолюбие — одно из его любимейших занятий.

Помимо присмотра за мной, езды до Римкора, по Римкору и обратно, на Машу пришлось взвалить уборку уже целых трёх комнат. Само собой, и Наталья Васильевна никогда не

⁶ Уствольская Галина Ивановна (17 июня 1919 года, Петроград — 22 декабря 2006 года, Санкт-Петербург) — советский и российский композитор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

⁷ Дмитрий Дмитриевич Шостакович (12 [25] сентября 1906, Санкт-Петербург — 9 августа 1975, Москва — советский композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель.

гнушалась привлекать девушку к наведению порядка на их с Аркашей, пусть и относительно небольшой жилплощади. Да и дежурство по кухне, нужнику и ванной комнате также оставалось исключительно прерогативой Маруси. От меня толку в подобных делах было мало — только тратила время, задерживая соседей. Помимо прочего, в доме разрасталась плесень, а в выкупленной, большой спальне стала подтекать крыша. Маша едва справлялась, под вечер валясь с ног. А кроме дома ещё и я — мой недуг и извечная рассеянность по разным пустякам. Она практически не ездила к матери и ночевала со мной в гостиной, устраиваясь на короткой для неё тахте и упорно не желая меняться местами. Я просила Аркадия временно перенести для неё кровать из спальни мужа, но он только и делал, что кормил нас обещаниями. Мы регулярно писали В.Д. о том, что Марусе нужна помощь и предлагали позвать её сестру — Клаву, но В.Д. будто бы не читал этих строк, избегая ответа. Так почти пролетела осень. Лимановым выделили жилплощадь, и они наконец съехали, а мы с Марией с нетерпением ждали возвращения хозяина для решения вопросов с ремонтом.

Туго обстояло дело и с учёбой. Порой из-за излишних переживаний относительно собственного положения среди прочих я допускала нелепейшие ошибки, отставая даже от самых посредственных студентов, так или иначе, но имеющих за плечами по девять лет музыкальной школы. Едва ли не каждый день на сольфеджио⁸ я становилась предметом насмешек, больше всего на свете желая провалиться сквозь землю. Порой даже на уроках алгебры чувствовала себя куда умнее и увереннее, особенно в последнюю четверть 10 класса. Мне даже удалось выйти на твёрдую четвёрку и написать на пять итоговую контрольную. Но здесь... В голову то и дело закрадывается мысль, что мы с В.Д. всё же сильно переоценили мои способности и слишком лихо замахнулись. Три предыдущих года, что почти без остатка посвятила музыкальной практике, включая год игры для гостей «Озёрного рая» — это крайне скудный музыкальный опыт. К тому же я была на два года старше остальных студентов и чувствовала себя не в своей тарелке. Подружиться хоть с кем-нибудь из них совершенно не получалось. Столичные щеголы и щеголихи, избалованные и напыщенные — они так кичились своей музыкальной подготовкой и навыками. Пару раз я даже слышала, как некоторые шушукались и посмеивались относительно отсутствия за моими плечами хотя бы двух-трёх лет музыкальной школы. В их глазах я была неотёсанной провинциалкой, если не принимать во внимание то, что я ещё и инвалидка, которая не может пользоваться педалями на инструменте. А самым унижительным было то, что я протеже одного из приятелей нашего преподавателя, устроенная в училище по знакомству. Показать кому-то свои сочинения я, само собой, не решилась, боясь, что подумают, будто и они написаны исключительно с помощью супруга-музыканта. Я играла их только Маше, которая могла лишь сделать пару незатейливых комплиментов, хотя и слушала всё с большим воодушевлением. Вот только мне нужно было мнение человека знающего, способного дать совет, направить в нужное русло. Всё чаще накрывала тоска из-за отсутствия Завадского, которому можно было задать вопросы и попросить помощи. Ведь порой из-за неудач в учёбе хотелось и вовсе всё бросить, но мысль о том, что второго шанса не будет, останавливала всплески горячности, и я терпела. Терпела и, не покладая рук, работала, всеми силами пытаясь наверстать отставание, вот только руки и в прямом и переносном смысле опускались всё чаще и обречённое.

Геннадий Андреевич, услуги которого Завадский оплатил до конца года (моими же деньгами), ходил ко мне ежедневно, кроме выходных. Его методика принципиально отличалась от той, что предлагал для моего лечения Иван Митрофанович. Физпроцедуры были более современными, а упражнения — и динамическими, и статическими. В статичном положении, по

⁸ Сольфеджио (итал. *solfeggio*, от назв. муз. звуков соль и фа) — то же, что сольмизация. Учебный предмет, входящий в цикл музыкально-теоретических дисциплин, целью которого является воспитание слуха, осознание элементов муз. речи и их роли в муз. произв. Сольфеджио призвано развивать мелодическую и гармоническую память, представление о ритмических соотношениях муз. звуков, о тембре, о некоторых элементах муз. формы и т.п.

словам профессора Ветровского, мышцы запоминают нужное состояние. К моему удивлению, Геннадий Андреевич сказал, что, несмотря на всё пережитое, они до сих пор ещё не атрофированы и есть шанс на излечение — пусть очень небольшой. Прежде всего, доктор настоял, чтобы Завадский сменил перину на моей постели на жёсткий матрас, как я и говорила мужу после первой проведённой здесь ночи. Кроме того, доктор велел купить самый лучший корсет для поясницы. А ещё, дабы усмирить упорно не желавшие встать на место нервы и наладить сон, доктор прописал мне снотворное. Спала после приёма порошка я, конечно же, как убитая, однако наутро каждый раз ощущала жуткий туман и тяжесть в голове, теряя способность к сочинительству музыки. Так что, отложив склянку в долгий ящик, я без зазрения совести отчитывалась профессору, что добросовестно всё пью. В моём положении не хватало только лишиться ясности в сознании.

Чем ближе дело подходило к зиме, тем больше становилось у Маши работы по дому, но муж платил ей ровно столько же, сколько предложил, когда нанял. Она трудилась только из жалости ко мне, ведь успела привязаться и привыкнуть. Я же, окончательно потеряв терпение, безо всяких церемоний изложила мужу все свои возмущения относительно сиделки и крайне острой необходимости ремонта, и Завадский, наконец, отреагировал, направив нам в помощники одного из своих сослуживцев — Григория Ивановича Стеклова. Ему грозило увольнение, но Владимир договорился о его временном отстранении и отослал в город.

Иваныч, как сразу окрестила его Маруся за простоту и весёлый нрав, от работы не отлынивал, даже несмотря на боли в коленях и пояснице, о которых стоически молчал. Мы с Машей быстро смекнули о том сами, заметив слегка неловкие и будто оцепенелые движения, и, проникшись к Стеклову сочувствием, мы начали испытывать неловкость. Отдавать поручения Григорию Ивановичу было совестно ещё и потому, что он годился нам едва ли не в деды. К счастью, командовать особо не приходилось — Стеклов брался за любую работу сам. Приняв пост, он сразу собрал в мешки опавшую листву во дворе и вымыл крыльцо и пол в наших комнатах, безо всякого смущения отчитавшись, что на флоте был можно сказать бессменным мойщиком палубы. В субботу помог Машеньке с уборкой кухни и ужином. А в воскресенье, когда мы, наконец, отправились в гости к Марусиной семье, Иваныч чётко по списку купил продуктов на колхозном рынке⁹, вернув сдачу до копейки. Похоже, Завадский хорошо сэконобил на этом мужичонке. Да и командиры тоже хороши — выпроводить такого усердного и честного работника из-за стариковского недуга. Он ведь был простым матросом — потихоньку справлялся бы. Стеклов сам вызвался возить меня на учёбу. Всё-таки Маша — молоденькая девочка и ей ещё рожать, а таскать по лестницам и коридорам Римкора полуживой груз — гиблое дело. А его поясница всё равно будет болеть при любом раскладе. Первая половина недели прошла относительно нормально, хоть и Иваныч пока ещё неважно ориентировался в коридорах. По вечерам Стеклов уходил домой, а в семь утра как штык стоял на пороге. В четверг, едва Григорий успел уйти, как к нам в гостиную постучался незнакомец.

— Позови Пузыря, — донеслось до меня из-за приоткрытой двери.

— У нас такого нетути, — растерянно и строго отозвалась Маша.

— Как нетути?! Я ж к нему сюда дня три назад захаживал, — раздалось пьяное недоумение. — Или уже убёг куда? Гришатка.

— Григорий Иванович?

— Ну так! Он самый! А говоришь — нетути. Кликуха у него такая — Пузырь. От фамилии.

⁹ Колхозный или нелегальный — «чёрный» рынок, возник в предвоенные годы по причине хронического дефицита на внутреннем рынке СССР товаров повседневного спроса и вынужденного тесаврирования (накопления) денег населением.

Да как-то не совсем, — подумалось мне, и внутри разлилась волна безгливости, страха и возмущения. Неужели муж направил нам в помощники выпивоху, который к тому же уже успел без спроса притащить сюда сображника?!

— А вы ему кто? — с той же строгостью в голосе спросила Маша.

— Товарищ.

— Он у нас не ночует. Ездит куда-то на Поклонную гору.

— Ого! Так не ближний же свет.

— Ну что ж изделаешь, коль ближе дорого.

Визитёр шумно вздохнул, промямлив спасибо, а Ковалёва с торопливым облегчением закрыла дверь.

— Ну и ну. Вот ентот..., — изобразила пьяную фигуру и гримасу Маруся. — Товарищ Иваныча.

Я с бессильной опаской пожала плечами, и опасения быстро подтвердились. В пятницу утром за мной никто не приехал. Не приехал и в субботу. Похоже, пьяный визитёр таки нашёл Пузыря и пузырь для распития и, поди, не один. А ещё, сдаётся мне, что Гришку турнули со службы вовсе не из-за возраста и болезней. Вот так вот. Снова разочаровалась в человеке. В воскресенье пришлось отправить В.Д. «благодарственное» письмо с одновременной кляузой. Я высказалась по поводу экономии, едва не стоившей мне опозданий на занятия. Толку-то от такого провожатого, который, отработав неделю, пропал без вести. Во вторник утром Иваныч стоял на пороге и божился, что с пятницы мучился болями в коленях и спине. Пришлось отлежаться. Врал он очень путано и нелепо, хотя сказанное частично было правдой, вот только внешний вид и одутловатое лицо отчётливо свидетельствовали о более значимой причине. Хотелось выгнать Стеклова и попросить больше не появляться, но, подумав о Маше и о том, как нелегко даются ей мои перемещения, я дала Иванычу второй шанс. Он ещё долго извинялся за внезапное исчезновение без предупреждения и обещал впредь предупреждать. Интересно, как долго обычно длятся его запой? И есть ли смысл закрывать на них глаза? Я перестала доверять Стеклову покупки, и на рынок мы ездили исключительно вдвоём или втроём. А ещё стала наводить справки относительно нового кандидата в провожатые, предлагая обещанную Гришке тридцатку в месяц соседям и сокурсникам, но те едва ли не крутили пальцем у виска. Работать за такие гроши желающих не было. Конечно, В.Д. потому и нанял этого забулдыгу!

Вот только получив письмо от мужа, я признала, что не всегда стоит торопиться с выводами. Завадский писал, что Стеков — не просто матрос, а лучший друг его покойного отца ещё со времён мореходки. Вместе пережившие революцию и гибель многих сослуживцев и друзей — они были неразлучны, и Григорий с трудом вынес медленную кончину Дмитрия после ранения. Дальше были неверность жены, понижение с корабельного старшины до рядового матроса, издевательства племянника, оставившего беднягу без крыши над головой, скитания по ночлежкам во время увольнительных, дурная компания. Так Григорий Иванович и стал Пузырём. А тридцатку попросил сам, сказал, мол, за ночлег платить и на кормёжку хватит и на том, мол, спасибо, что Владимир о временном отстранении с капитаном договорился. Какой же всё-таки сложной порой бывает жизнь, думала я, убирая письмо мужа в ящик стола, и как легко судить, не зная и половины истины.

«Таинственные» исчезновения Гришки продолжились и в течение последующих недель. График работы у него был трёх-, в лучшем случае четырёхдневным, и пару раз я всё же опоздала на занятия. Преподаватели, несмотря на моё положение, поблажек не сделали, и причин моей неважной успеваемости стало ещё больше. Оправдываться болями в пояснице, коленях или какими-либо ещё, Иваныч, как в первый раз, уже не мог — врать он не умел и, очевидно, не любил, а потому раз за разом извинялся, обещая, что запой больше не повторится. И он старался, и верил в обещанное и сам, настойчиво выпроваживая друзей-собутельников, заходивших при этом всё чаще и чаще и упрямо сбивавших Григория Ивановича с истинного пути.

Стеклов не винил их, я же, как могла, упрасивала соседей выгонять незваных гостей, но те не хотели связываться с забулдыгами, даже несмотря на то, что они всем мешали, засиживаясь допоздна в кухне, беседа о жизни и часто горланя песни о морях.

Сам Иваныч никогда не пел. Говорил — нет ни голоса, ни слуха. Но на трезвую голову часто любил тихонько посидеть рядом с Беккером и послушать, как играю. А после всегда благодарил и хвалил. Тепло, с душой, по-отечески. Как-то попросил сыграть «Яблочко» — любимую моряцкую песню. И снова не пел, а только легонько притопывал ногой в такт мелодии, слегка морщась от боли. Сказал, что знатно плясал по молодости, особенно вместе с женой, и умолк. Я полушутя ответила, что тоже давно не танцую и рассказала, как в порыве глупых чувств угодила под автобус, как бы намекая на то, что хоть и бывает трудно — нельзя опускать руки. «У тебя, Лизавета, несчастье, а я сам... сам своё несчастье», — ответил Григорий Иванович и, тепло улыбнувшись, поблагодарил за игру и уплёлся восвояси. В тот вечер мне было особенно жаль Стеклова, не винившего в своей судьбе ни события, ни людей. Только себя — за то, что мог найти утешение лишь в бутылке, в которой нет ничего, кроме дна, подступавшего всё ближе глоток за глотком. Мне, нашедшей покой в музыке, повезло, пожалуй, куда больше. Но порой, когда начинаю искать в ней что-то кроме, всё будто замолкает, рана сердце напрасными надеждами.

За минувший месяц я, то и дело вынужденная помогать Марии вместо Гришки, стала всё чаще отвлекаться от учёбы, заимев целых три неважных отметки. А ещё хуже то, что на ум с момента моего приезда в Ленинград всё реже стала приходить музыка, а в последнее время я почти перестала писать вовсе и увещательные письма Завадского совершенно не помогали исправить ситуацию. Незаконченные сочинения бесполезным ворохом бумаг лежали на подоконнике, ни капли не маня к себе, как было прежде. Они, как и моя душа, слой за слоем покрывались пылью. Всё, что я могла написать, да и то ценой невероятных усилий — это письма для родных и друзей. Я с невыносимой силой скучала по всем, включая старичка Букета и непоседу Лучика, тосковала по родному Энгельсу — скромному и несравнимо блёклому и бедному перед торжественным Ленинградом. Но в письмах отчитывалась маме, Шуре и ребятам, что мне нравится новая жизнь, что интересно и весело среди сокурсников, а город так величествен и наряден, что от великолепия захватывает дух. И это было чистой правдой, но лишь первые несколько дней. А за ними серость неба, неделями плывущая в каждой монументальной гранитной плите и поступь зимы, из месяца в месяц становившаяся тяжелее и громче, делали этот чужой гранитный город всё неприветливее и равнодушнее. Таким же был и народ на улицах, пресыщенный великолепием и оттого глядевший под ноги или равнодушно уткнувшийся в воротники пальто и шинелей. И мои сокурсники и сокурсницы, то и дело недовольно брюзжащие по самым разным поводам — от изменившегося расписания или маршрута следования городского транспорта до крохотной, по их щегольским и транжирским меркам, стипендии. А незримая пелена тоски накрывала всё плотнее, размывая неброский образ родного городка с его ясным небосводом и простенькими избёнками, приветливым людом и незатейливыми радостями. Но «всё хорошо» — писала я. Зачем родным и друзьям знать, что кроме училища, клавиш, плесени, угрюмых и закруженных работой соседей, с их то и дело визжащей мелюзгой, да вечно пьяного Пузыря и его дружков я не вижу здесь больше ничего? Зачем им читать о том, что живу на жалкие гроши, что высылает муж под расчёт на продукты, и что выручаюсь только благодаря стипендии? Зачем расстраиваться от того, что едва справляюсь с учёбой и продолжаю её запускать? Пусть будут спокойны хотя бы за меня, ведь своих проблем у них и без того предостаточно.

Как-то особенно серым и тоскливым днём я решила написать и ему — моему потерянному, но отнюдь не забытому Володеньке. Просто излить душу на страницы, в этот раз не в виде музыки, которая ныне едва ли не окончательно умолкла, но в виде слов.

«Дорогой Володенька! Ты никогда не прочтёшь этих строк. Жизнь разбросала нас по свету, и ты не узнаешь, что вышла замуж. Что уехала в Ленинград — так далеко от городка нашего детства. А я не узнаю, нашёл ли кого-нибудь ты. Встретил ли ту, что заставила оставить в прошлом моё невольное предательство? Отыскал ли ту, касаясь руки которой, забыл не только боль, что тебе причинила, но и радость, что испытывал рядом. Читаешь ли ей стихи, фотографируешь ли, пишешь портреты? Это было бы прекрасно, и пусть мне так гораздо больнее. А может, всё совсем иначе и ты один? Один-одинёшенек в чужих краях, как и я. Ведь это замужество просто иной статус и не более, а муж — что-то вроде ширмы. Как и твои мать и брат — они просто есть на этом свете, но по факту ты в одночасье осиротел той холодной весной, нашей весной с крохотными проблесками счастья и надежды. Неужели те юные мечты никогда не озарят беспросветный грозовой небосклон наших судеб своим ярким и ласковым светом? Неужели наши с тобой дороги большие никогда не пересекутся?»

Я по-прежнему больна, а ноги окончательно мертвы, подобно всяким надеждам на нашу встречу. Почти не пишу музыку, и даже твой светлый образ не дарует вдохновение, как прежде. Почти не мечтаю, хоть и всё так же помню каждую нашу минуту в Энгельсе. Почти не живу, хоть и делаю что-то во имя будущего, учусь и лечусь, безо всякой осознанности и желания, по инерции. Но ты всё так же мне снишься, и я жду каждой ночи, в надежде на новую встречу. В начале этого месяца мы так долго колесили по Энгельсу на Дуксе, что кажется, у меня от багажника снова заболела пятая точка. Зато в эту субботу так здорово танцевали под какую-то очень красивую мелодию. Мне удалось записать её отрывок, но с тех пор он так и пылится среди прочих черновиков. Мне так тебя не хватает. Порой, когда еду по здеишним улицам, закрываю глаза, представляя, будто идёшь навстречу. А потом открываю... и тотчас хочу раствориться в сыром тумане. Без следа. Порой, забываясь за игрой, грежу, будто сидишь у рояля и всё слышишь, но едва клавиши замолкают, ловлю лишь тишину вместо слов. Твоих слов о моей игре. Как бы я хотела их услышать. Хотела бы, чтобы ты сказал, нравится ли тебе это исполнение, нравится ли музыка, что писала для тебя.

Но больше всего на свете я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Пусть даже это может случиться, только если наши пути будут идти параллельно. Верю, что когда-нибудь ты узнаешь: я не предавала тебя никогда и не предаю сейчас — ведь живу лишь этими мыслями и снами о тебе. Живу тобой. Я снова прошу простить меня и помнить, что люблю. Ведь любить тебя всегда было так просто.

Либбет.

12 ноября 1940 г.».

Положив этот первый, свёрнутый вчетверо тетрадный листок в карман чемодана, с которым приехала в этот безликий город из холодного гранита, я подъехала к серому окну и ещё неопределённо долгое время продолжала безмолвную беседу с Вальди.

Ответы от родных шли долго. За без малого два месяца я получила лишь пару писем от мамочки и Веры, и по одному от Шуры, Мишки и Кати. Мама писала, что ей добавили часов и повысили зарплату, а Вера стала пионеркой и по-прежнему получает только «отлично». Шура писала, что Феденька часто болеет, а свекровь винит во всём её. Мишка писал, что второй курс медучилища гораздо интереснее — много практики и они уже приступили к долгожданному препарированию лягушек. Катюшка писала, что ей очень тяжело разбираться во всех этих «кривых, забубённых чертежах, к которым не знаешь, с какой стороны подходить» и сожалела, что не поступила на учителя немецкого языка. Зато Ваня делает в учёбе успехи и уже точит различные детали для завода, где они с сестрой работали этим и прошлым летом. Их письма грели, но собственное существование раз за разом вынуждало вспоминать одну и

ту же удручающую фразу: «дух противоречия не оставил меня, и я решил выжить. Трудная это была работа — возвращаться к жизни, и теперь мне иной раз приходит в голову, что игра не стоила свеч». Фразу, написанную много лет назад не только замечательной писательницей, но и, как узнала совсем недавно, пианисткой и композитором — Этель Лилиан Войнич. Фразу из романа «Овод», однажды открытого для меня моим добрым, навсегда утраченным другом, оставшимся в далёком прошлом, как и всё лучшее, что было в моей колючей, больно жалящей судьбе.

Глава 4 — Грета

Тем ноябрьским субботним днём в наш дом въехала молодая актриса. Лиманова знала её родителей через шапочных знакомых и устроила подселение, как потом рассказывала постоялица, — не шибко-то охотно. Девушка устроилась в одной из комнат на первом этаже, недалеко от гостиной и, услышав моё музицирование, не преминула постучаться и познакомиться. Её звали Галина Некрасова. Она приехала в Ленинград из Сталинграда — каламбур почти как у В.Д. с Энгельсом — и собиралась попытать здесь счастья, поступив на службу в один из театров. Странно было слушать о столь отчаянном шаге и амбициозных, далеко идущих планах. Совсем одна, так далеко от дома. Её азарт, смелость и любовь к искусству одновременно приводили в восторг и повергали в недоумение, но, пожалуй, в своих самых сокровенных чаяниях я представляла себя точно такой же. Мы с Машей быстро нашли общий язык с новой соседкой — она просила называть себя Гретой и весь тот день провели втроём. Помогали Некрасовой обустраиваться в комнате, ходили на прогулку, а после устроили музыкальный вечер с чаем, Машиными пирожками и песнями. Пела Грета очень здорово и, казалось, брала три, а то и три с половиной октавы! Глубокий, насыщенный, чуть резковатый голос, с низкими «грудными» нотами, характерными для контральто¹⁰. Ей бы в певицы! А ещё тем вечером она, с непривычным для наших глаз и ушей артистизмом, прочла несколько замечательных стихотворений о силе духа и искренности дружбы. Мы любовались ею — такой яркой, модной, даже по меркам местных щеголих из того же Римкора, такой живой, уверенной и полной надежд. Её белокурые локоны словно струились по плечам, а тонкие, благородные черты лица намертво приковывали взор, так что к концу вечера мы с Марусей были едва ли не абсолютно уверены, что эта девушка с необычайно женственной внешностью, и одновременно будто бы мужским голосом, покорит любой из здешних театров. Следующим утром мы проводили Машу к маме и снова отправились гулять по городу. Грету так впечатлил Ленинград, что даже изрядно озябнув и истоптав ноги, она наотрез отказывалась идти домой, пока я не предложила сыграть ей свою музыку, о существовании которой засмушалась рассказать вчера.

— Ты — талант! — заключила Галина, дослушав первое же сочинение и придвинув кресло к роялю, явно намереваясь послушать меня ещё.

— Подожди, вдруг остальные тебе не понравятся!

— Давай так, сыграешь ещё два, и если не понравятся — возьму свои слова обратно, — смеясь, отвечала Грета, глядя на меня большими голубыми глазами, обрамлёнными длинными, кукольными ресницами.

Я сыграла ещё два сочинения, пристально наблюдая за реакцией новой подруги, казавшейся невероятно счастливой.

— Всегда так радуюсь, когда судьба сводит с интересными людьми! Но главное — не люблю отказываться от своих слов! — снова рассмеялась Грета. — Тебе непременно нужно показать эту музыку знающим людям.

— Муж уже показал все сочинения членам СК. Некоторые вынесли вердикт, что композиции эклектичны и не отвечают духу времени.

— Ну, ничего. Всем ведь понравиться невозможно. Остальные же, как и я, решили иначе.

— Да. Мужу удалось согласовать издание сборника.

— Ну вот! Как здорово! Поздравляю! У меня явно есть вкус. Когда ждать выпуска?

¹⁰ Контральто — самый низкий из женских голосов. И самый редкий. Его рабочий диапазон — от фа малой октавы до соль второй октавы (около двух с четвертью октав). Указанный в описании голос, сочетающий низкий, «грудной» тембр контральто с необычайно широким диапазоном — исключительная редкость, даже для оперной сцены.

— Не знаю. Нужно придумать название и написать ещё несколько произведений. А мне стало так трудно писать. Особенно в этом городе — вдали от привычной жизни.

— Твоя жизнь — музыка. Моя — новая роль. Всё остальное — декорации и зрители. Не более.

— Так и было, но потом... — прервалась я, пытаюсь понять, с каких пор муза стала посещать меня всё реже и реже.

— Потом ты оказалась в кресле? — сокрушённо спросила Галя, но тут же смутилась, сбивчиво извинившись.

— Нет, нет. В кресло я попала ещё до того, как научилась играть. А это... — я внезапно осознала, что сочинения стали писаться с трудом с того дня, как В.Д. сделал мне предложение. — Это случилось почти год назад. Я расскажу тебе как-нибудь. Как-нибудь потом, Грета.

— Хорошо. А сколько ещё нужно композиций?

— Десять. А лучше двадцать.

— Так много?!

— Ну да... Хотя в СК Владимиру сказали, что сборник можно издать и с тем, что есть. Но муж говорил, что лучше сразу написать наперёд — у них должен быть выбор. Ты же знаешь, какая везде цензура.

— Раз сказали «можно издать» — пусть издают! А потом напишешь ещё. Станет даже проще — первые слушатели, поклонники, счастье от того, что даришь людям нечто прекрасное. По себе знаю: как только стала чаще появляться на сцене нашего театра — народ стал так ждать моих ролей, а у меня невесть откуда брались силы играть ещё чаще и лучше. Так что не медли, Эльза! Действуй!

— Этими вопросами занимается Владимир.

— Но он ведь в море, а время идёт. Обратись к членам СК и договорись сама. Хочешь, съездим вместе? Завтра же после моих проб и твоей учёбы.

— Не стоит. У Владимира больше шансов с ними сладить. У него там связи — бывшие сокурсники. А я... я вообще мало что могу в своём положении...

— Ты можешь всё! Как и любой из нас, покуда жив.

Как у неё всё просто. Похоже, судьба ещё не обламывала ей крылья. Оттого и выглядит в свои двадцать пять не старше меня, а может и Машеньки.

— Знаешь, бабушка часто рассказывала мне об Ольге Садовской¹¹ — знаменитой артистке, служившей ещё в Императорских театрах. Как-то ей посчастливилось попасть на один из спектаклей с участием Ольги Осиповны. В последние годы жизни она выступала в кресле — не могла передвигаться по сцене, и бабушка была так впечатлена этим фактом и, конечно, её редким, актёрским и вокально-музыкальным талантом, что сделала всё, чтобы и я однажды смогла блистать на сцене. Несмотря ни на что. Ведь я была такой неуклюжей и невзрачной, а ещё жутко картавила, а голос... ну, сама слышишь — своеобразный. Вопреки протестам отца и матери бабушка водила меня учиться и часто вспоминала об Ольге Осиповне, а я по крупницам собирала вехи из биографии Садовской и рассказывала ей. Мы читали, как замечательно сыграла она Кабаниху, как раз из «Грозы», опираясь на трость, похожую на царский посох. Садовская, кстати сказать, собиралась стать пианисткой. А кресло или трость ничуть ей не мешало, даже, пожалуй, не в обиду тебе будет сказано, дополняло облик. Ведь она даже по молодости почти всегда играла роли старух. Так что не сочти за дерзость мои слова, но только тебе решать: прятаться ли за своим положением или стать для кого-то примером.

¹¹ Ольга Осиповна Садовская (13 (25) июня 1849, Москва — 8 декабря 1919, там же) — российская актриса, Заслуженная артистка Императорских театров (1911).

На несколько мгновений повисла тишина. Она была права, и её слова ничуть меня не задевали, но всё навалившееся за последнее время совершенно не позволяло собрать волю в кулак.

— Я выбираю второе.

— Я не сомневалась, — улыбнулась Грета, поднявшись с кресла. — А теперь, будь другом, послушай один из монологов, что планирую зачитать завтра в Кировском театре¹².

— С удовольствием! Читай, — устремила я взор на Некрасову, подошедшую к стоявшему рядом буфету.

— Позволь? — потянулась она к полке с рюмками. — Реквизит.

Кивнув, я взяла из её рук одну из них и приготовилась к просмотру крохотного спектакля, продолжая думать об услышанной минуту назад истории.

— Всё это я рассказываю вам, как писателю. Можете воспользоваться, — начала Грета, став напротив меня у рояля и поставив рюмку на пюпитр. — Я вам по совести: если бы он ранил себя серьёзно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А всё же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву, — жёстко и уверенно произнесла Грета. — Замуж выхожу. За Медведенко.

Я внимательно смотрела на изменившуюся до неузнаваемости Некрасову. Её сияющие глаза потухли, исполнившись безнадежностью и решимостью одновременно. Речь из живой и несколько торопливой стала обстоятельной и слегка тяжёлой. Грудной, исполненный неподдельной боли голос пробирал насквозь, а каждый жест был столь уместен и органичен, что казалось, я буквально сижу перед самой сценой. В самом первом ряду. Монолог был мне не знаком, но в памяти возник тот день, когда всё-таки приняла предложение В.Д. Вот только вырвать с корнем первую любовь так и не сумела.

— Любить безнадежно, целые годы всё ждать чего-то... А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат всё старое. И всё-таки, знаете ли, перемена. Не повторить ли нам? — взяла рюмку Грета, слегка постучав по ней аккуратным ноготком. Я инстинктивно кивнула. — Ну, вот! — Галя сделала вид, будто наполнила рюмки. — Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьёт открыто, как я, а большинство тайно. Да. И всё водку или коньяк, — она чокнулась о мою рюмку. — Желаю вам! Вы человек простой, жалко с вами расставаться.

Некрасова так убедительно осушила рюмашку, что мне показалось, что там действительно было горячительное. Даже Пузырь с его опытом в подобных делах вряд ли был бы столь же убедителен. Сдерживая смех, я тоже приложила к рюмке и осушила её, поставив на пюпитр рядом с пустым реквизитом Греты, ни капельки не вышедшей из образа, невзирая на мою попытку её рассмешить.

— Мой учитель не очень-то умён, но добрый человек и бедняк, и меня сильно любит. Его жалко. И его мать-старушку жалко. Ну-с, позвольте пожелать вам всего хорошего. Не поминайте лихом, — крепко пожала она мою руку. — Очень вам благодарна за ваше доброе расположение. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! — дружелюбно и одновременно обречённо произнесла Некрасова, направившись к двери, но тут же вернулась, спросив: — Ну как тебе?

— Ты пьёшь гораздо правдоподобнее, чем наш Григорий Иванович, — рассмеялась я. — А если серьёзно — я полностью поверила, что бежишь от несчастной любви. К нелюбимому

¹² Театр оперы и балета в Санкт-Петербурге, один из ведущих музыкальных театров России и мира. В 1940 году Ленинградский ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, также часто сокращённо — Кировский театр. В 1992 возвращено историческое название — Государственный академический Мариинский театр (в просторечии — Мариинка).

учителю и на дно рюмки. Думаю, бабушке удалось безошибочно определить твоё призвание. Удачи завтра!

— Спасибо, Лиза!

— Прямо Маша и медведь. Откуда этот отрывок?

— Чехов. «Чайка». Монолог Маши. Катерина из Грозы наверняка худрукам и режиссёрам в ночных кошмарах снится.

— Наверное, — машинально улыбнулась я в ответ, продолжая размышлять об услышанном монологе.

— Точно тебе говорю! Каждая же Ермоловой¹³ себя мнит. Выходит на эстраду с трагической миной и орёт, будто её прямо с подмостков в Волгу толкают. Сама ведь такая же была, когда в студии при театре слушали. Соплячка. Жизни не нюхала, а себе туда же. Помню, доорала тогда, а худрук стаканом об стол как стукнет и говорит: «Голос-то, девка, у тебя есть, а мозгов — на копейку». Ну думаю, всё — вышвырнет. А дома ведь бабушка ждёт, верит в меня... Но он как-то вдруг стихнул и выдал: «Давай-ка без крика. Без пафоса. А по-простому, по-человечески». Тогда-то и прочла ему это. Коротко и ясно. И даже не уча. Просто запомнилось почему-то, представилось вдруг: тоже замуж не по любви выйду. Так что это мой «счастливый монолог». Не подведёт!

Я тепло улыбнулась Гале, с воодушевлённой ностальгией вспомнившей начало своего творческого пути, но тут же, ненароком вздохнув, произнесла:

— Забавно. Владимир ведь тоже мой учитель. По музыке. Но он, напротив, чересчур умён. И это тоже был брак не по любви. Расчёт. Не могла больше обременять сестру и мать.

— Ну надо же... Вот и «счастливый монолог»... Зря я...

— Ну что ты?! Тебе ведь было нужно чьё-то мнение. К тому же теперь я поняла, что именно после его предложения, и особенно после того, как его приняла, музыка стала сочиняться всё труднее. Он поставил мне руки, он же их и обрубил.

Грета окинула меня сочувствующим взглядом:

— Обижает?

— Трудно сказать, как это называется... Подлость, наверное.

— Изменяет?

— И это тоже, хотя и задевает, пожалуй, менее всего прочего, — отозвалась я, вспоминая, в сущности, несчастную Ильину, которой он действительно был дорог, но, несмотря на все обещания, оставил в прошлой жизни.

— А может, нам взаправду? — шутя, кивнула на рюмки Грета. — И плевать, что ещё не вечер.

— А почему бы и нет? — серьёзно отозвалась я. — В буфете есть водка. Брала на случай, если простынем. В этом доме тяжело оставаться в добром здравии. Во всех смыслах.

— Похоже, ты права, — согласилась Галя, достав водку и разлив в рюмки. — За знакомство и дружбу!

— За дружбу, Грета!

Рюмашки опустели, и мы обе дружно сморщились и захохотали.

— По правде, Грета — не просто сценический псевдоним. Меня зовут Генриетта. Генриетта Рауш. Некрасовой Галиной стала после свадьбы. Сейчас так надёжнее.

Я понимающе кивнула, но вместе с тем, очевидно, взглянула на Грету с недоумением относительно её супруга.

— Мы развелись, — пояснила она. — Застала его с коллегой. Он тоже актёр. Слишком хорошо вжился в роль. Не стала мешать их счастью. И уехала. Покорять Ленинград.

¹³ Мария Николаевна Ермолова (3 [15] июля 1853 — 12 марта 1928) — русская драматическая актриса Малого театра, по словам Станиславского — величайшая из виденных им актрис, сыгравшая Катерину в «Грозе» так, что это вошло в учебники.

— Ты любила его? — спросила я, совершенно не сумев уловить её чувств.

Галя безрадостно рассмеялась и кивнула.

— Видимо, бабушка действительно не ошиблась. Брак по любви. Толку-то, — прошептала она, быстро смахнув слезу. — А ты? Раз с мужем по расчёту, наверняка был возлюбленный?

— Был и остаётся. Он по-прежнему живёт в моём сердце.

— Но твой учитель, похоже, оказался храбрее, — кивнула она на кресло.

Я покачала головой:

— Его это не пугало, хотя был совсем юн. Отца расстреляли как врага народа. А его самого, наверное, сослали. С последней встречи минуло три с половиной года.

— Бедная моя Эльза, — сокрушённо проронила Грета, взяв в ладонь мою руку.

— Он тоже звал меня на немецкий лад — Либбет. Вальдемар Гесс. Вы соотечественники.

— Ну, надо же! Но эта история... Знаю не меньше пары десятков похожих. Это так страшно, так жестоко. Их ссылали только потому, что немцы. Записывали в нацисты и готово.

— Так и есть. Интернационализм по большей части встречается на плакатах. А на деле непохожих на остальных просто лишают свободы и жизни. Он ведь только окончил школу, имел столько планов на будущее. Прекрасно рисовал и фотографировал, ходил с братьями в аэроклуб. Мечтал о небе.

— Как жаль! Но, может, его дальнейшая судьба не будет так сурова.

— Может. Он такого точно не заслуживает. У Володеньки очень доброе сердце, Грета, и чистая, стремящаяся лишь к свету, душа. Две последние композиции, что сыграла — посвящены ему.

— Очень красивые и грустные. Наверное, как и он сам?

Я кивнула.

— Сумрачный германский гений. Как у Блока.

Я пожала плечами, смущённо улыбнувшись.

— А каков из себя?

— Высокий, светловолосый, зеленоглазый.

— Ох! Типичный ариец, — лукаво подмигнула Грета. — Небось и девки сохли, а выбрал тебя?

— Сохли по его младшему брату. А он был неприметным и всегда сутулился — стеснялся собственной высоты. И таким худеньким. В первую встречу и мне не понравился. А потом даже его веснушки казались россыпью золота, а родинка на правом плече так часто грезилась во сне. Перевернутая трезина. Но вместо ножки скорее ещё один кружок.

— Как четырёхлистный клевер?

— Ага, точно! Даже не думала.

— Должен бы приносить удачу.

— Не принёс. Скажи мне что-нибудь по-немецки, Грета. Я так скучала по его родной речи.

— Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, Der täglich sie erobern muß.

— Красиво, — блаженно вздохнула я, вспомнив, как Вальди, забываясь, говорил со мной на родном языке и как я злилась. А теперь отдала бы всё, лишь бы услышать всё сказанное им снова. — Что-то о жизни и свободе?

— Да! Понимаешь?

— Плохо. В школе до нашего с ним знакомства немецкий меня нисколько не интересовал. А потом стало не до немецкого.

— Это очень известная фраза. Из Фауста. Гёте. «Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идёт на бой!»

— Здорово сказано! Вот только слишком категорично. Их достоин каждый. К тому же далеко не со всякой несправедливостью можно справиться.

— Но это не значит, что не нужно бороться.

— Он боролся. Не отрёкся от отца, в отличие от своего трусливого брата. Не испугался моего недуга, признался в любви и был готов сделать предложение, когда повзрослеем. Вот только одна история...

Мы налили ещё по рюмке, и я рассказала Грете всё от начала до конца — о Фриде, о том дне, когда попала под автобус, и об Але. Даже Маруся знала о произошедшем только по обрывкам моих фраз. Но, пожалуй, так правильнее. Ведь Рауш лучше известно о предательстве, чем моей юной, не испытывавшей ничего подобного помощнице.

— Однажды он прочёл мне такое красивое стихотворение. Но так и не перевёл, как не просила. Это было в нашу предпоследнюю встречу. В саду. На закате, — отрывисто произносила я, а разум рисовал в памяти те багряно-фиолетовые сумерки и грустную, милую сердцу улыбку. Я будто снова ощутила тот аромат гвоздик и пионов, уловила робкое прикосновение ветерка и тёплой ладони моего Володеньки. — Мы оба будто чувствовали, что это наш последний вечер.

— О чём оно было? Хотя бы примерно.

— О светлом дне.

— А поподробнее?

— Не знаю. Это всё, что смогла понять.

— А автор? Он не назвал автора?

— Назвал, но я давно уже забыла те длиннющие имя и фамилию. Помню только, что этот поэт — автор германского гимна.

Последние произнесённые слова вдруг показались мне невообразимо тяжёлыми. Вспомнился фильм, что пару лет назад смотрели с Орловым и Шурой, газетные статьи, что попадались на глаза позже. Я словно только что призналась в родстве с чёртом. Повисла тишина.

Грета прищурилась и словно мысленно что-то прикинула, но следом вдруг просияла и, торжественно глядя мне в глаза, с выражением и интонацией прочла:

— *Ich will hinaus, ich will zu dir,
Ich will es selbst dir sagen:
Du bist mein Frühling, du nur mir
In diesen lichten Tagen.*

Ich will die Rosen nicht mehr sehn,

Nicht mehr die grünen Matten,

Ich will nicht mehr zu Walde gehn,

Nach Duft und Klang und Schatten.

Ich will nicht mehr der Lüfte Zug,

Nicht mehr der Wellen Rauschen,

Ich will nicht mehr der Vögel Flug

Und ihrem Liede lauschen.

*Ich will hinaus, ich will zu dir,
Ich will es selbst dir sagen:
Du bist mein Frühling, du nur mir,
In diesen lichten Tagen .*

Сквозь подступающий комок слёз я едва слышно произнесла, отчётливо узнав тот ритм и звучание:

— Это оно! Оно, Генриетта. Спасибо! Спасибо тебе, моя дорогая!

— Оно называется «Любовь и весна». Перевести можно примерно так:

— *Мне нужно отсюда, мне надо к тебе,*

Мне нужно тебе сказать:

Ты моя весна, и только ты

В эти светлые дни.

Я не смотрю теперь на розы,

На зелень тоже не смотрю,

Я не хочу в леса,

К свежести, журчанью и прохладе.

Мне не нужен больше воздух,

Мне не нужен шорох волн,

Мне не нужен птиц полет,

И их песни.

Я хочу отсюда, я хочу к тебе,

Я хочу тебе сказать:

Ты моя весна, и только ты

В эти светлые дни.

— Я знаю! Знаю, как назвать мой сборник! Почти все композиции я посвятила Володеньке, а значит... — дыхание перехватило, — значит, назову его как это стихотворение. «Любовь и весна»! Пусть «Любовь и весна» будут хотя бы на страницах с нотами. Пусть вечно живут в моей музыке. А потом, когда ты устроишься в театр — мы обязательно пойдём в СК и попросим издать всё, что есть!

— Это так здорово! Ты правильно всё решила! И я уверена, что однажды он непременно услышит эту музыку и поймёт всё без слов.

Мы крепко обнялись. Как же я счастлива, что повстречала эту славную девушку. Перед сном я с радостью написала Володе о своём новом знакомстве и о том, что, наконец, знаю перевод того необычайно красивого стихотворения, что он оставил для меня загадкой.

Грете не удалось покорить Мариинку, но ей с лихвой удалась победа над Александринкой¹⁴. Одна беда — театр был довольно далеко от нашего дома, и ей уже предложили перебраться поближе: в одно из общежитий, где жили многие из её новоиспечённых коллег. Она, само собой, согласилась. И в эту субботу, спустя ровно неделю с момента нашего знакомства, мы с Машей опять помогали ей собирать вещи, утрамбовывая их в большой, но, увы, не бездонный, ярко-красный чемодан Mädlер¹⁵ — свадебный подарок родных из Лейпцига. Она призналась, что поначалу до озноба стыдилась этой кричащей вещи, выжигавшей глаза прохожим на вокзалах. Но в письме, вложенном в посылку, тётка желала ей «лёгких дорог и яркой жизни», и это словно стало для неё оберегом. Среди непроглядной, всеобщей серости этот чемодан из нелепой заграничной вещицы превратился в упрямое напоминание о её праве на личную радость. В живой голос её далёкой родины.

— Мы обязательно будем общаться! И не смей грустить! — хмурилась Грета, стоя у входа в наш дом. — Билетами будете обеспечены! А через недельку зайду к тебе и свожу в СК. Ты говорила — по пятницам занятия кончаются уже в полдень?

— Ага.

— Ну, значит, договорились!

— Грета, пожалуйста, возьми, — протянула я ей деньги, которые она внесла вместе с остальными соседями на ремонт крыши и чистку дымохода. — Не упрямься. Ты и жить не жила, а тут...

— Через порог не дают — это во-первых, а во-вторых — инициатива наказуема, — рассмеялась Рауш, предложившая мне организовать сбор и нанять рабочих, вместо того чтобы мёрзнуть в ожидании мужа. — Для актрисы эти деньги гораздо больший пустяк, чем для студентки. А теперь пока-пока!

Грета обняла нас с Машей и, в очередной раз повторив, что ждёт в гости, махнула рукой и направилась к такси, ожидавшему у дома.

— Вот и упорхнула наша красавица.

— Упорхнула, а с ней было так весело, — вздохнула Маруся.

— Даже Иваныч ни разу не напился. Всё слушал монологи.

— Угу. Осиротели мы, — снова сокрушённо буркнула Ковалёва и, закрыв дверь, быстро покатила кресло к окну в гостиной. Машина такси уже скрылась из виду.

¹⁴ Александринский (Александринка) театр, открытый в 1832 году в Петербурге и получивший имя в честь императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая I.

¹⁵ Mädlер — это знаменитая немецкая фирма, основанная в 1850 году в Лейпциге, Германия и являвшаяся одним из ведущих европейских производителей элитных чемоданов и кожаных изделий.

Глава 5 — Зёрна и плевелы

Жизнь без Генриетты стала куда скучнее, и я уже ждала пятницы и поездки в СК. В понедельник от В.Д., наконец, пришло письмо с примерной датой приезда — он сообщил, что, как и планировал, должен вырваться в Ленинград в последних числах декабря, чтобы вместе встретить Новый год. С одной стороны, я очень ждала мужа. Нужно было, наконец, выпроводить Пузыря и хоть немного позаниматься музыкой, чтобы прояснить целую кучу спорных вопросов, на которые преподаватели мне толком не отвечали. Но с другой стороны, вспоминая те дни перед отъездом В.Д., я и моё тело содрогались. То, что, по словам супруга, должно было быть добровольным, превратилось в насилие. Маша как-то порывалась меня защитить. Да что она сделает?! Он — хозяин. Слово поперёк — и выгонит на улицу. Даже собирался, да я упростила пожалеть девушку. Была бы здесь Генриетта — точно не дала бы меня в обиду... Хотя на такую красавицу муж тотчас положил бы глаз. Так что... даже хорошо, что они не пересеклись. А страшнее всего после его побывки отяжелеть. Тогда, в сентябре, мне пришлось изрядно поволноваться — не оказалась ли я в этом, ещё более прискорбном для себя, положении. Нам с Машенькой, в те дни ценой немалых усилий, удалось достать травы, мешающие зачатию, но они часто дают осечки, так что единственное спасение — наши с В.Д. редкие встречи. Значит, когда Завадский вернётся, придётся лгать о женских днях или поить его спиртным до потери памяти. В пору уже сейчас запастись водкой.

Только первая неделя зимы, а волнение от приближающихся день за днём экзаменов уже вовсю начало давить на голову и терзать душу. В доме за минувшие дни стало ещё холоднее. Соседи так долго «ждали» друг друга, чтобы прочистить дымоход, починить крышу и проводку, что дотянули до самых морозов, и если бы не Грета, мужики так и кивали бы один на другого, кормя всех остальных завтраками. Но Рауш и в этих делах оказалась такой умницей! Случайно повстречав в одном из театров, куда ходила на пробы, ремонтную бригаду, Грета пригласила их расценить работы, а затем организовала сбор необходимой суммы. И надо сказать — в большинстве своём соседи несказанно обрадовались её инициативе. А что мешало сделать это самим?! Я ведь не раз предлагала им заняться этим вопросом, давая адрес мастеров, посоветованных Ветровским. Видимо, все ждали, что поеду договариваться сама... как самая «взрослая» и «опытная». Такой уж народ подобрался. Несговорчивый, недружный. Пара человек до сих пор бегает от меня, дабы не сдавать деньги. Похоже, большой город только разделяет. А может, дело не в этом и они всё-таки знают, кто бывший хозяин дома, а потому ждут Завадского. То ли дело у нас в Энгельсе, когда после страшного половодья в мае двадцать шестого каждый дом по улице восстанавливали гуртом, не разделяя на своё и чужое. Безразличие и разобщённость лишали сил душу, а холод и сырость — тело. Садиться за рояль, ходить на занятия и вообще делать что-либо, кроме как лежать в верхней одежде под двумя ватными одеялами, не хотелось. Ждать тех, кто до сих пор не сдал деньги, больше не было возможности. Пришлось докинуть в общий котёл все до копейки имевшиеся сбережения: 60 рублей, что удалось собрать со стипендии и сэкономленных высылаемых мужем денег. Спрятав кассу в гостиную под своей подушкой, я намеревалась сразу же после завтрашних лекций завезти аванс бригадиру, но на следующий же день слегла с температурой и решила отправить к бригадиру Машу. Она с большим нежеланием согласилась оставить одну, ведь весь день усердно дежурила у моей постели, принося чай.

— Отнесёшь сто пятьдесят. Остальные сто пятьдесят отдадим, когда будем принимать работу. Нужно, чтобы все остались довольны. А то скажут — без толку размотала их деньги.

— Угу. За ними станется. Так скидываются не хотели.

Я с трудом приподнялась с кровати и нервно засновала под подушкой рукой. Пусто. Сердце сжалось, в висках застучало.

— Что случилось?

— Деньги, Маша. Их украли.

— Как?! Кто?!

Я оцепенело и обессилено молчала.

— Пузырь?! Или...

Отозваться снова не было сил. Но никаких «или» быть не может! Грета точно не могла на такое пойти. Тем не менее, хочется прямо сейчас оказаться в родном Энгельсе рядом с мамой и Верочкой, и чтобы ничего этого не было. Ни замужества, ни Ленинграда, ни сырого, пропитанного плесенью дома, где пышным цветом цветут лишь гниль и равнодушие.

— А можа кто-то из дружков Иваныча... — лепетала Маша. — Но я же... я усё время комнату закрывала. Ты с утра с постели не уставала. Можа учерась. Когда гулять ходили. А он в это время у окно влез или кого из своих колдырей заставил.

Собравшись с силами, я стянула часть простыни и принялась трясти подушку, едва удерживая её в руках. Пусто. Само собой, там было пусто. Жар туманил разум, и то и дело думалось, что сплю.

— Так как у окно? Высоко. И люди ходють. А комнату я закрывала! Усё время закрывала, - продолжала причитать Маруся. — Что ж таперча делать?!

«Ничего. Ничего не делать!» — набатом раздавалось в голове. «Помоги мне собрать чемодан и посади на поезд. Пусть соседи запишут в заправские воровки, а преподаватели и однокурсники в махровые разгильдяйки! Плевать! Мне не привыкать к разного рода ярлыкам. Чёрт с ним с Римкором, чёрт со сборником! Больше не могу и не хочу здесь оставаться!» Сколько знаков давало провидение?! Но я оставалась глухой. Довольно! Признаю. Не смогла. Не справилась. Не продержалась и нескольких месяцев. Я не Генриетта, и мне никогда такой не стать. Выше головы не прыгнешь. Особенно если нет ног.

Смятенно глядя на продолжавшую молчать меня, Маша всё повторяла, что запирала дверь и что Пузырь без нашего присутствия не заходил в гостиную. А я не могла думать ни о чём, кроме пропавших денег. Снова взяла на себя слишком много. Никчёмная инвалидка. Ты не способна приносить людям пользу. И тебе явно не место в этом городе, а эта история — очередное тому доказательство. Но уехать прямо сейчас — значит и впрямь обрести славу воровки, подвести людей, показаться жалкой трусихой в глазах Маши. На ум внезапно пришла неплохая мысль, а с ней ещё более мощная волна страха — ведь в этой комнате, кроме спрятанных под подушкой денег, было чем ещё пожить. Забыв о слабости, я сползла с постели в стоявшее рядом кресло и, ощущая дрожь в руках, подъехала к роялю. Если любитель Яблочка или кто-то из его дружков прошерстил под крышкой — мне не останется ничего, кроме как сегодня же купить билет до Энгельса.

Нет, похоже, на сей раз выход ещё есть. Под струнами стояли обе шкатулки Полянской. Я спрятала их от Маши в тот же день, когда этот полевой лекарственный одуванчик появился в нашем доме, а потом, не раз убедившись в её честности, всё время забывала достать. Странно, что вор не полез в такой очевидный тайник. А может, оставил на десерт. К тому же украшения ещё нужно продать, а под подушкой уже лежат целых три сотни. Лежали. Достав шкатулки, я подъехала к пюпитру, где в щели за нотами были ключи. Открыв ларчики и убедившись, что всё цело, я достала лазуритовую брошь, янтарные бусы, парочку серебряных подвесок и серёжек к ним. Стало грустно и будто стыдно перед покойной Полянской за то, что вынуждена пожертвовать её подарками.

— Вот это нужно отнести в ломбард. Например, в скупку, что проезжаем по пути в Римкор. Интересно, какие там цены. Хотя я всё равно понятия не имею, что по чём. Знаю только, что нам нужны три сотни. Сможешь сторговаться?

Наивный взгляд Маши не требовал пояснений. Ощущая, как от температуры, усиливаемой безвинным стыдом и едва поутихшим страхом, по спине катится холодный пот, я еле слышно произнесла:

— Помоги одеться.

— Да ты что?! Куды?! Я сама... сама попробую.

— Всё нормально. Вдвоём-то оно всё равно легче. Ты, главное, больше молчи, а то точно решат, что две деревенские простофили, — усмехнулась я, в очередной раз напоминая Марусе о её нескладной речи и о срочной необходимости научиться излагать мысли грамотно. Она давно не обижалась на подобные колкости, но и переучиваться не спешила.

После долгих уговоров на поход к скупщику Ковалёва, наконец, сдалась и помогла собраться. По дороге она почём зря ругала то себя, то Иваныча, то его закадычных друзей, то высказывала неприятные предположения относительно Рауш и организованного ею денежного сбора, а когда я велела успокоиться, принялась вздыхать о предстоящей продаже приданого и любопытствовать, насколько дороги мне эти несколько украшений. Я отвечала, что мне дорога лишь память, а брошь из лазурита была воспоминанием далеко не лучшим. Однажды она подвела меня, так пусть выручает теперь. Не торгуясь, мы получили триста двадцать семь рублей. Я не пыталась прикинуть, насколько сильно продешевила — такие размышления под стать моему дорогому супругу. Главное, что мы завезли задаток бригадиру и завтра с утра рабочие приступят к чистке дымохода и восстановят тягу, затем займутся ремонтом кровли, а уж потом проводкой.

— Так что, Машенька, к выходным, а может, и раньше, у нас уже будет тепло, — резюмировала я, кивнув на прощание прорабу и резво съехав по трапу на тротуар. Какое замечательное у них крыльцо! Надо будет попросить ребят сделать настил и у нас. Завадский и в этом деле не предпринял никаких мер.

— Угу. Тебе мёрзнуть никак. Сейчас-то что, не озябла? Уже больше часа по городу катаемся.

— Во мне кипит злость. На вора, — рассмеялась я, старательно продолжая гасить подобие ненависти в сердце и сомнения относительно Рауш. — Тем и греюсь.

— Усё в толк не возьму, кто мог такое сотворить?! С Иванычем-то, конечно, понятно... пропойца есть пропойца. Но что если... если всё-таки ента... Обнакновенная домушеница, а про театр буки забивала? — опять принялась за старое Маша, скрестив мошенницу с домушницей.

Кулаки в очередной раз сжались в бестолковом гневе. В этот раз задевала отнюдь не собственная наивность — я почти привыкла быть обманутой, но поражало то, что даже такие, казалось бы, кристально честные люди могли оказаться совсем иными. Ведь если насчёт Завадского у меня всё же порой бывали сомнения, то здесь...

— Да какая теперь разница? Одно будет хорошей проверкой: приедет в пятницу — значит, точно не воровка, — буркнула я, ощущая внутри брезгливость и грусть оттого, что недоверие уродует душу, заставляя подозревать всех и каждого. — Вези вон туда — в хозтовары. Деньги ещё остались. Купим замки. Завтра попрошу ребят сменить.

— Ах! Замки! И как я сразу-то не прочухала, Маруся бестолковая?! Он же мог себе копию ключа сделать! Вот шельма! А когда успел-то?!

— А сразу почти. Как к нам прибыл. Мы его тогда ещё на рынок отправили, а сами твою маму проводывать поехали. Помнишь?

— Точно! Какая же Лиза у тебя всё-таки хорошая память!

— Толку-то... А может и пропойца тот, что Гришку Пузырём называл, ключи сделал, — додумывала истину я, пытаясь хотя бы в собственном воображении оправдать Стеклова и окончательно исключить из подозреваемых Рауш.

— Можя, — тотчас охотно подтвердила мои предположения Маруся. — Он ведь, колдырь тот-то, к нам потом больше не приходил.

— Точно! А все, кто приходил к Иванычу позже, слишком хорошо успели пропить мозги, чтобы до такого додуматься. Могли только сказать тому гаду, что я собрала с соседей деньги на ремонт. А может и Иваныч сказал... или тот пройдоха дал ему ключ и велел принести деньги.

— Но Иваныч чересчур честный, чтобы вот так...

— А ещё очень исполнительный. Людям угождать любит.

— Угу, — с досадой подтвердила Маша и ввезла меня в магазин. Быстро купив три замка в гостиную и спальни, я тотчас довольно распорядилась:

— А теперь в кулинарию. Денег ещё на пирожные хватит. Нужно же нам как-то себя побаловать после случившегося.

Маша по обыкновению начала отнекиваться от угощения, но я точно знала, что, кроме меня, никто не предложит ей подобную вкуснятину. Купив пирожные, мы выехали обратно, на тротуар и направились вдоль имевшихся в каждом доме магазинов и лавок. Книжки, сувениры, веера и шляпки. Чего только нет?! В Энгельсе такую красоту не увидишь даже на ярмарке, а тут она буквально на каждом шагу. Вот только цены написаны так мелко, что обязательно надо остановиться и приглядеться. А в это время сидящие по ту сторону витрины продавцы будут таращиться на таких, как мы, словно на диковинку, коей кажутся для нас их товары. Обойдутся. И так ясно, что всё безумно дорого. По крайней мере, для нас, едва сумевших наскрести грошей на парочку эклеров. В одной из витрин я увидела красные лакированные туфельки на изящном каблукке. К чему их выставили?! Не сезон же. Наверное, чтобы желающие до лета в аккурат сумели накопить нужную сумму, которую, разумеется, снова не видно.

— Завези-ка меня ещё сюда, Машенька, — кивнула я на дверь магазина.

— В обувной?!

— Ну да.

— Никак за красными туфлями?! — усмехнулась Ковалёва.

— Всенепременно, — чуть сердито буркнула я, про себя отметив её внимательность. Хотя, пожалуй, было невозможно не заметить, что таращусь на них, едва не сворачивая шею. — Просто хочу поглядеть, сколько за такие просят, и прикинуть, стоят ли они того, а то может, дурят народ почём зря. На витринах-то оно всё красиво.

Маша с трудом перетащила кресло через излишне высокий порог, и мы оказались внутри со вкусом обставленной и украшенной живыми цветами лавки. Сотни полок с сапогами и полусапожками, каждая пара которых была по-своему симпатичной. Разнообразие вызвало ошеломление, а голова слегка закружилась. На каблукках, отороченные мехом или украшенные отстрочкой — каждая пара была необычайно женственной и элегантной. Особенно умиляла обувь небольшого размера, которую могла бы носить я. Невольно опустив глаза на собственные кирзачи на плоской подошве, что были велики мне на два размера и широки в голени, я горько вздохнула. Из моей обувки виднелись две пары толстых шерстяных носков, что была вынуждена носить из-за опасения отморозить лишённые чувствительности ноги. Ковалёва подвезла кресло к витрине и потянулась к красным туфелькам, тут же отметив:

— Цены нигде нетути. Но на вид, что царские черевички! А размер, поди, твой. Тридцать пятый?

— Н-да, мой, — процедила я, взяв у Маши невероятно лёгкую и изящную туфельку и принявшись её разглядывать. Толку-то... Даже если бы они стоили сущие копейки, мне безразлично какой он! Зря мы вообще сюда зашли. Чёртово любопытство!

— Новинка. Финская фабрика. Пока есть весь размерный ряд, — пояснила подошедшая молодая, модно одетая и весьма манерная продавщица, переводя недоумевающий взгляд то на меня, то на Марусю. — Весной будут на всех модницах города.

— Дорого? — робко спросила я.

— Прибалтика дешёвой не бывает, но качество всегда на высоте! — высокопарно растягивая слова, проговаривала девица, брезгливо рассматривая мои кирзачи с носками и с недоумением окидывая взором кресло. — Лично я привыкла к хорошей обуви.

— К такому привыкнуть несложно. Так сколько же за них просят?

— Самой интересно. Только вчера получили, ждём цену. Но себе точно буду брать, — довольно резюмировала она и тут же с насмешкой во взгляде спросила: — А вам они зачем?

Мне стало гораздо более дурно и жарко, чем всего несколько секунд назад. Её взгляд и вполне резонный вопрос задел так больно, что я с яростью всучила ей туфельку и крутанула колёса коляски в направлении выхода. Бестактная торгашка! Могла бы хотя бы из приличия ответить, чтобы заехали, к примеру, через пару часов или завтра. Хотя к чему? Я явно тут больше не появлюсь, и мы обе это прекрасно понимали.

Маша устремилась за мной к двери, что-то прошипев продавщице, и, едва мы оказались за порогом, принялась бранить её последними словами. Я же тихонько, украдкой от Ковалёвой, плакала, глядя на обездвиженные конечности, стоящие на подножке, будто на постаменте — и отнюдь не таком, который красовался в витрине... зато обувь ему вполне под стать.

За ароматным чаем с эклером, щедро наполненным воздушным кремом, я почти успокоилась, на время позабыв о своём опрометчивом визите в обувную лавку и о краже. В конце концов, я всё же не знаю страшной цены туфелек, а что касается воровства — так эти деньги — гроши, по сравнению с тем, сколько украл у меня Завадский. Но, тем не менее, я непременно усвою и сегодняшние уроки. Ведь однажды я уже пыталась срубить деревце не по себе. И сейчас — вместо того чтобы продолжать грезить, пора заняться самыми что ни на есть насущными вопросами, а именно: перестать ждать своего благоверного, чтобы дать Стеклову от ворот поворот, если у этого пьянчуги ещё хватит наглости здесь появиться. А сочувствие и доброта снова сыграли со мной злую шутку. Порой так не хватает той суровости, что покинула меня вместе с отмершими конечностями.

На следующее утро самочувствие стало значительно хуже — температура держалась на отметке 39,8 и почти не спадала. Взять на лекарства деньги, предназначавшиеся для расчёта с рабочими, я не имела права. А снова относить в скупку что-то из приданого было страшно: мало ли, что ещё могло случиться, а в моём положении оставаться без гроша в кармане категорически нельзя. Терпеть своё полуживое состояние было ещё более мучительно из-за Машиных причитаний. Она подняла на уши почти всех соседей. И некоторые, как оказалось, скрывали за маской равнодушия вполне себе добрые сердца. Надежда, из комнаты рядом с кухней, дала сироп из шиповника, которым поила при простудах парочку своих сорванцов, а ещё целый литр водки для растирки, ведь имеющиеся скудные запасы мы с Гретой благополучно выпили. Фёдор, живущий рядом с Надеждой, вызвал врача на дом и помог выдворить начавшего упираться Пузыря. А Зиночка, вместе с пожилой матерью обитавшая в левой половине бывшей столовой (разделённой на две «комнаты» перегородкой из фанеры) и работавшая швеей в ателье неподалёку от Римкора, охотно заскочила на кафедру и взяла у сокурсников домашние задания, передав справку о моей болезни декану. В четверг на помощь пришёл Геннадий Андреевич, принеся мне какой-то целебный отвар и поставив парочку уколов.

После полудня в пятницу, продолжая лежать в постели с опустившейся до отметки 37,8 температурой, я ждала Генриетту. Разумеется, визит в СК по состоянию здоровья будет перенесён. В висках в такт дребезжанию секундной стрелки ходиков бился пульс. Хотелось верить, что не напрасно выгнала Григория Ивановича, лишив беднягу последнего, не бог весть какого, но заработка и возможности оплачивать ночлежку. Конечно, я выдала ему расчётные за пару отработанных дней в декабре, но этого чрезвычайно мало, ведь Стеклову вряд ли удастся в ближайшее время найти хоть какую-то работёнку. По этому поводу он бесконечно долго причитал, когда сказала об увольнении, и было очень не похоже, что этот безобидный и, по сути,

очень несчастный человек оказался вором. Где же ты, Грета?! Неужели я ошиблась не в Иваныче, а в тебе?!

Бросив взгляд на стоявшие на тумбе у моей кровати часы, показывающие уже без четверти два, Маша разочарованно выдохнула:

— Выходит — она! Домушеница...

Генриетта Рауш, Галина Некрасова — сколько ещё у неё «псевдонимов»? Сколько ролей и заранее разученных монологов? Придётся написать Вове о том, что новая дружба, похоже, обернулась очередным разочарованием, и его соотечественница — вовсе не артистка, а самая обыкновенная аферистка. Я обессилено вздохнула, отвернувшись к стене. Казалось бы, после многочисленных подлостей Завадского впору перестать сокрушаться, разочаровываться или удивляться подобному. Но тогда это будет означать, что я привыкла. А если к такому нужно привыкать, зачем тогда жить? Зачем жить среди лжецов и предателей, снова и снова натываясь на плевелы¹⁶ вместо зёрен и, в конце концов, и вовсе перестав искать стоящее среди сорняков? Нет, не могу и не хочу так жить! Из последних сил я ударила кулаком в стену, провыв нечто бессвязное, и едва расслышала стук в дверь гостиной.

— Лиза, Маша, вы дома? — раздался из коридора голос Генриетты, и я, измученная исполненными отчаянием думами, тотчас заплакала от счастья, с запозданием ощутив, как ноет рука от удара о стену.

Рауш влетела в гостиную как на крыльях. Она принесла нам с Машенькой билеты на какую-то постановку, название которой я упустила из виду, а ещё коробку конфет, что уже успели вручить поклонники. Она опоздала из-за затянувшейся репетиции и была очень расстроена оттого, что я заболела. И огорчилась ещё больше, узнав о краже и о том, как пришлось выходить из положения. Рассмеявшись, Некрасова предположила, что наверняка была объектом наших подозрений, а мы с Машей, разумеется, принялись отнекиваться. На наши возражения Грета сказала, что актрисы мы крайне неважные, и она на нашем месте тоже не исключала бы такой версии, и обиды вовсе не держит.

— У вас заметно потеплело!

— Ага, и свет не моргает. А ну-ка, Машенька, — кивнула я Ковалёвой, и та победно щёлкнула выключателем.

— Здорово!

— Завтра ребята сделают на крыльце настил! Бесплатно! После ремонта кровли как раз остались доски.

Генриетта была очень рада, что наш быт, наконец, налаживается, а ещё сказала, что если бы не кража, я ещё долго терпела бы Пузыря и его вечно пьяных дружков, но, как говорится: «не было бы счастья...». В СК мы договорились сходить в следующую пятницу. Надеюсь, к тому времени я, наконец, выздоровею. А сегодня Грета предложила отпустить уставшую от хлопот со мной Машеньку в гости к своим и остаться у меня на выходные, всячески способствуя скорейшему выздоровлению, в том числе с применением терапии искусством. Но самая действенная терапия уже была проведена в эти самые минуты: плевелы, хоть и с запозданием, но оказались выдернуты, а зёрна остались, и теперь у меня есть совершенно замечательная подруга. Даже две!

¹⁶ Плевел (лат. *Lolium*) — род цветковых растений семейства злаки. Само растение не ядовито, ядовиты только его семена. Если они попадали в хлеб, то могли вызвать сильнейшее недомогание, болезнь желудка и даже привести к смертельному исходу. Выражение «Отделять зёрна от плевел» возникло из Нового Завета. В Евангелии от Матфея (гл. 13, ст. 24—30) рассказывается, как некий человек посеял на своём поле пшеницу, а его враг на том же поле ночью разбросал семена сорняков. Когда поле зазеленело, вместе с пшеницей взошли и плевелы и рабы предложили хозяину выдернуть их, тот же велел оставить и то и другое до жатвы, чтобы выбирая плевелы, не выдернуть вместе с ними пшеницу.

Маша везла кресло по коридорам Римкора, а я думала о том, как наверстать пропущенное за неделю. Как же всё-таки невовремя меня угораздило слечь — на носу столько проверочных работ и экзаменов. А ещё хватило ума двинуть кулаком в стену! Теперь из-за с трудом разгибающихся пальцев наверняка завалю технический зачёт. Лучше бы головой в стену двинула. Ей всё равно пользуюсь куда реже.

— Смотрите, это она — его жена, — раздавались голоса идущих навстречу студентов, странно и восхищённо глядевших на меня. Что с ними такое? — нервно озиралась я, привыкшая быть невидимкой. Нет, они определённо смотрят в мою сторону и говорят обо мне. Но что, что же могло произойти? Едва Ковалёва ввезла моё кресло в кабинет, где уже были некоторые однокурсники, как почти все разом ринулись ко мне навстречу:

— Поздравляем, Лизавета! Какая музыка! Твой муж — талант! Мы так тебя ждали. Скажи, он ведь планирует сделать записи? На Ленмузтресте¹⁷, наверное? Там Клавдию Шульженко¹⁸ записывали! Точно! И Утёсова¹⁹! Вот здорово! А он прибыл или ещё в море? А то его тут Евгений Сергеевич с Левинсоном так ждут! Самолично поздравить хотят. Теперь точно со службы уйдёт! На кой ему в море маяться — без инструмента? Ага. Наверняка будет создание записей контролировать! — предполагал наш староста вместе с приятелями. — «Холодная весна» — такое романтическое и печальное название. Наверное, ты придумала? — чуть хихикали девчата. — Ну чего молчишь? А чего ей с нами разговаривать? Жена композитора!

Ещё не до конца понимая суть происходящего, я не чувствовала ничего, кроме невообразимой боли и вместе с тем полного оцепенения. Будто парализованы были не только ноги, но каждая клетка, каждый мускул, каждый волосок и каждый нерв. Я подняла взор на бледную, как потолок аудитории, Машу. Она пристально глядела на меня с застывшим на лице ужасом. А сокурсники всё прибывали, продолжая гудеть надо мной, подобно рою пчёл.

— Да она вне себя от счастья — вот язык и проглотила! А может, завидно. Ха-ха-ха! Так учиться надо! Он-то, говорят, уже публиковался, когда в Энгельсе был!

Какая же невыносимая боль! В каждом уголке тела. В голове, что пульсирует от каждой произнесённой сокурсниками фразы, в гортани, что сжимается незримой рукой, в желудке, словно готовом вот-вот извергнуть весь съеденный завтрак наружу, в сердце, бешено бьющемся и рвущемся вон из груди. Казалось, даже ноги пылали огнём и ныли, как в тот самый день — в июне тридцать седьмого, когда отбила их до синевы, в последний раз ощутив, что они у меня были. Будто даже эти мёртвые балласты ниже пояса, вспомнив ту боль, вторили всему остальному, что ещё живо. Внезапно всё вокруг закружилось: парты и скамейки, портреты известных музыкантов и композиторов, лица и силуэты обступивших меня одноклассников. Все очертания размывались, сливаясь в единое пёстрое пятно, в глазах секунда за секундой темнело, а воздух с каждым вдохом становился всё более вязким. Я очнулась от резкого удара нашатырного спирта в нос. Похоже, наш медпункт. Ну да. А вот и злобная медсестра — Валентина Макаровна. Выписала мне справку-освобождение от занятий по причине, авторитетно и безапелляционно определённой как упадок сил, вызванный ничем иным, как недоеданием. Да, Завадскому, пожалуй, только и осталось, что лишить меня кормёжки. Вот теперь-то у меня абсолютно нечего больше отнять. Все мои труды, каждый нотный знак, каждый интервал, каждый куплет... всё ушло в его жадные, загребушие руки. Именно это и было его главной целью!

¹⁷ Ленмузтрест — краткое название ленинградской фабрики грампластинок Музтреста, который осуществлял руководство также и другими предприятиями в г. Ленинграде.

¹⁸ Клавдия Ивановна Шульженко (11(24) марта 1906, Российская империя — 17 июня 1984) — русская советская эстрадная певица, актриса. Народная артистка СССР (1971). Участница Великой Отечественной войны.

¹⁹ Леонид Осипович Утёсов (настоящее имя — Лазарь (Лейзер) Иосифович Вайсбейн; 10 [22] марта 1895 — 9 марта 1982) — русский и советский эстрадный артист — певец, чтец, дирижёр, руководитель оркестра, конференсье, актёр; народный артист СССР (1965, первым из артистов эстрады удостоен этого звания).

Главной причиной взять меня в жёны. Ни деньги и уж точно не моя юность, возможное сходство с Лидой или хоть сколько-нибудь привлекательная, несмотря на недуг, наружность. Но музыка. Моя музыка! Он знал наверняка, что она будет высоко оценена и принята. Знал, что сможет опубликовать её, выдав за свою. Ведь он уже издавал сборники, пусть и не снискал успеха. А я... я — никому не известная провинциалка, недоучка, в которой он по чистой случайности сумел разглядеть какой-то, до сих пор не понятный для большинства, потенциал.

Теперь для всех этих пижонов я ещё более жалкая. Тень выдающегося композитора, морского офицера и просто невероятного доброхота, взявшего под крыло убогое создание. Посмешище, наивно цеплявшееся за перспективы столичной жизни и лелеявшее мечты о славе. Калека, до сего дня пусть и весьма несмело, но продолжавшая верить в возможность встать на ноги. Теперь я сбита с них и повержена окончательно. То, что ощущалось в них в аудитории, наверняка, было не более чем фантомной болью, ведь они снова мертвы. Хочу исчезнуть. Быстро и бесследно. Так же как исчез тот факт, что эта музыка была моей. Что я и только я была той, кто не спал ночами, сидя за нотной тетрадью. Я, а не он! Была той, кто ловил во снах каждый фрагмент и, чтобы не забыть, напевал его до тех пор, пока не научился записывать! Я! Не он. Была той, кто порой неделями ломал голову над крохотным фрагментом, а порой залпом писал сразу по две-три мелодии! Я... но не он. Кто знает всё это? Кто докажет правду? Маша? В этот самый момент пристально и беспокойно продолжающая глядеть на меня, оставаясь всё такой же бледной, как там — в аудитории. Бедняжка так теряется на людях и стыдится своей речи, что день за днём, привозя меня сюда, уже совершает подвиг. Или мама, находящаяся в полутора тысячах вёрст отсюда? Она наверняка сказала бы, что нужно радоваться уже тому, что эту музыку вообще согласились издать. А если Генриетта? Ей, закруженной новой работой, пытающейся забыть предательство любимого мужа и начать новую жизнь, только и не хватало сейчас взяться решать мои вопросы. Почему мы так поздно встретились?! Быть может, случись наше знакомство хотя бы парой месяцев раньше, всё ещё могло бы сложиться иначе. Она отвезла бы меня в СК, и я ещё успела бы уличить мужа в плагиате. Смогла бы разоблачить его. Доказать своё авторство. Поздно. Слишком поздно!

— Ну, поднимайся! Дома лежать будешь. И бока нагуливать! А то вы, молодые, всё фигуру блюдёте. И ты туда же, — раздался насмешливый и одновременно суровый голос медсестры, взглянувшей на меня и мои свисавшие с кушетки балласты колючим, холодным взором. — В балерины всё равно не возьмут.

Маша живо подскочила и, подняв меня, усадила в кресло. Хоть кому-то угодила эта, столь раздражающая многих, худосочность. Протянув мне сумку, Ковалёва неожиданно шагнула к столу Валентины Макаровны и, укоризненно окинув взором её обрюзгшую фигуру, процедила:

— Тебя тоже не возьмут!

Громко хлопнув дверью в медкабинет, Машенька резво повезла меня по коридору:

— Да чаво она понимать, эта каракатица? Да ты бы, Лиза и балериной и певицей и...

— Я композитор... была, — едва слышно отозвалась, опустив свинцовую голову и ощущая почти полную отрешённость. Пустые и бесконечно длинные коридоры. Фортепианные этюды этажами выше. Надрывные и отрывистые стоны скрипки где-то справа. Нравоучительные интонации преподавателя по хоровому дирижированию в двести девятом. Полушутливый спор уборщицы и завхоза о каких-то вёдрах и тряпках. Из самых далёких закоулков доносилось нечто похожее на одну из моих... то есть больше не моих композиций, на счастье, всё заглушало громохание и поскрипывание вездесущих колёс. Дыхание снова стало затруднительным, и веки непроизвольно сомкнулись. Опять удар нашатыря в нос. Валентина Макаровна дала Маше вату, пропитанную этой редкой гадостью, что мешает забыться. Провалиться в некое подобие небытия и хотя бы на время не помнить о случившемся. Гардеробная. Шуба, отчего-то кажущаяся как никогда тяжёлой, ещё больше приминая опущенные плечи. Платок, завязанный Машей непривычно туго, очевидно, дабы хоть как-то собрать в кучу растрескав-

шийся на части котелок. Сейчас я наверняка была бы ещё большей потехой для одноклассников и одноклассниц, носивших модные головные уборы. Меня никогда это особо не волновало. Ведь я надеялась компенсировать все свои пробелы успехом в музыке. Искупить им все неудачи. А теперь... теперь ко всем прочим добавился ещё более громадный, прискорбный, зияющий. Крыльцо. Неловкий спуск вниз по старому, давно требовавшему ремонта настилу. Мороз и ветер кажутся сейчас по-особенному неприятными. Внезапно пришло осознание, что я взмокла от пережитого. Влажными были и волосы. Потому Маша так тщательно и плотно вязала шаль. Ковалёва торопливо везла меня к автодороге. Наверное, попробует усадить на автобус. Да, после болезни мне, мокрой и едва живой, явно не пойдёт на пользу наша привычная почти что полуторачасовая поездка. Маруся остановила какую-то машину. Водитель и его спутница любезно помогли ей усадить меня на заднее сиденье. Коляска, само собой, никуда не влезала. Машенька продиктовала водителю адрес. Смутно помню, как очутилась в постели, ещё более размыто, как вернулась Ковалёва с моим транспортом. Всё казалось нереальным. Снова разделённым на «до» и «после», как уже было однажды в моей жизни.

В полусознании миновал и остаток дня, и вечер, и ночь. В какой-то момент стала ловить себя на мучительных, неотступных и почти что одинаковых мыслях. Он даже не потрудился придумать сборнику другое название! Это ведь ему совсем не нравилось. Интересно, а что в него вошло? Неужели даже те несколько черновиков, что слала ему в последних письмах? Он же почти никогда ничего и не исправлял. Только настоятельно советовал писать хоть что-нибудь в угоду коммунистам. Может, оставил какие-то композиции на будущее? Ведь не может же он после такого рассчитывать, что стану писать и дальше? Или настолько лишён совести, что полагает иначе? Что он скажет мне, когда прибудет? Как собирается смотреть в глаза? А как буду смотреть на него я, теперь воспринимающая эту обитель как клетку для мифической синей птицы или банку для золотой рыбки? Как испытывать к нему что-то, кроме нестерпимой обиды и презрения? Как жить под одним потолком с вором? Как делить с ним ложе? Я ведь не Генриетта, чтобы уехать от предателя-мужа. И куда? Куда я могу уехать? Максимум — в противоположный угол комнаты или на набережную, что отлично видна ему из окна. Мать меня не примет. У школьных друзей и Шурочки своя жизнь. Я одна. Совершенно одна с этим горем. В этой западне, в капкане, куда угодила по доброй воле.

Достав чистый лист, я принялась писать очередное письмо, адрес для отправки которого мне по-прежнему не известен. Маша мирно дремала в кресле, пока я с неистовой болью изливала всё отчаяние последних часов на бумагу. Я просто писала о случившемся, обо всех своих мыслях и воспоминаниях о В.Д. начиная с нашего первого занятия музыкой и заканчивая его последними весточками с Балтики. Как то восхищение, что испытывала к нему с самого первого урока, за один единственный вечер потухло, словно разбитая лампочка.

«...»

Именно в тот вечер, когда он сделал мне предложение, я впервые предположила где-то очень-очень глубоко в подсознании подобный исход, Володенька, но быстро отогнала прочь мрачные и глупые, как казалось тогда, подозрения. Он ведь так часто говорил, что будем создавать шедевры, а я наивно верила, что учитель станет надёжным, опытным помощником в моих начинаниях. В какой момент он решил всё присвоить? Неужели в тот самый день, когда впервые увиделись после смерти его жены и моего отца? В тот самый день, когда в первый раз показала ему черновики? После долгих месяцев переживаний от постигнувших утрат? Неужели тогда?! Неужели после тех горестей он задумал, что пора отыгаться? Пора пойти ва-банк, судьбе наперекор? Пора взять хитростью и силой то, что сам создать не способен?! Именно тогда он и стал завоёвывать моё доверие. Доверие матери. Производить впечатление искреннего, участливого человека, мужчины, готового стать нашей опорой, едва ли не более надёжной, чем был отец. Вот только те, кто служат другим, зачастую как сапожники без

сапог. У него же всегда всё было на мази, как обычно бывает у заправских икурников. У тех, что умело притворяются и ведут свою, одним им выгодную игру.

Ты наверняка всё понял бы, Вова, без сомнения увидел бы подлую суть моего будущего мужа, как видел её Мишика. А я дура, просто наивная дура, и продолжаю ею оставаться.

Потом я ещё несколько раз ловила себя на мыслях о его возможном плагиате, но едва ли не всякий раз иронично и с неким смущением от них отмахивалась, ведь мои творения виделись такими примитивными, не достойными внимания или нуждающимися в доработке. Я верила в непререкаемый авторитет, в абсолютную верность каждого его совета. А он лишь пускался в рассуждения, давая пищу моей музе. Ей ведь просто был нужен кто-то вроде него — не только готовый послушать и высказать мнение, но способный подтолкнуть к новой мысли, новому открытию. И тогда она расцветала, и вела меня за собой по бесконечно длинной и прекрасной дороге звуков, их сочетаний и мотивов, и тайной, но в то же время такой очевидной, сути. Я считала себя открытием В.Д. и в этом, в отличие от много другого, пожалуй, не ошибалась. Помню, как мама, после нашего рассказа о моём трудоустройстве в «Озёрный рай» и об искренней, восторженной похвале Осипова, сказала, что учитель и дерево познаются по плоду. Тогда Завадский поглядел на меня со столь очевидной, нескрываемой гордостью, что по телу пробежали мурашки, а душа будто улетела куда-то ввысь. Прости, если это задело тебя, мой милый, но чувства к нему ни капли не похожи на наши. Его глаза в тот миг словно сказали матери, что он оказался куда более плодовитым, чем она. Я же с того дня всё сильнее и жарче мечтала оправдать его самые смелые надежды, в то время как он мечтал осуществить свои.

А его предложение... он ведь сделал его после поездки сюда — в Ленинград. И только здесь признался, что уже показывал мои сочинения членам СК. Он переписывал с моих черновиков, что регулярно давала ему для «доработки». Он обещал показать их и показал, но почти год молчал об этом! Потому он и решил жениться — чтобы иметь постоянный доступ к этим записям, возможность в любой момент их присвоить и греться в лучах восхищения.

Вот только настоящий учитель — ни в коей мере не эгоист. Он проводник, но не пассажир. Он не может и не должен выезжать на открытом им же таланте. Учителя создают душу, но мой учитель убил её. Убил наповал одним единственным выстрелом в спину. Забрал самое дорогое и единственно стоящее из всего, что у меня было. Отнял всё, чем жила, чем утешалась и во что верила, предложив взамен лишь мираж — рояль, принадлежавший его семье, и крышу над головой, которых способен в любой момент лишиться. Эдакое зазеркалье с видимостью благополучной жизни. Жизни, где я в одиночку упорно и неустанно засекала эту нетронутую целину. И только теперь я намертво запомнила главный, преподанный Владимиром Дмитриевичем урок — большие никогда не строить никаких иллюзий и ничего не ждать. Ни от жизни, ни от людей, ни от себя, ни от собственного творчества, плоды которого, может в одночасье пожать кто-то другой, оставив на моём поле лишь плевелы.

Либбет.

10 декабря 1940 г.»

Глава 6

— Во поле берёзка стояла

Добросовестно отгуляв свой как никогда мучительный двухдневный больничный, я собралась в Римкор. Нежелание видеть одноклассников, по сути просто донёсших до меня свершившийся факт, сегодня было особенно сильным. Любая их фраза казалась насмешкой, хотя, разумеется, они не могли знать правды и просто с лёгкой завистью подшучивали, называя женой композитора. В довершение всего я совсем не готова к занятиям и даже не просила Зиночку узнать для меня домашнее задание. А никто из сокурсников, само собой, ко мне не заходил. Они и не знали толком, где живу. Да даже какая-нибудь Синицына и Антошина знали

мой адрес в Энгельсе и целых пару раз приносили мне домашние задания, когда болела гриппом. А тут... Ну да, когда эти двое ко мне приходили, я ещё не была инвалидкой. Кресло всё меняет. Давно пора привыкнуть.

— Ценник! — резко воскликнула Ковалёва, везя меня мимо витрины с проклятушими красными туфельками, ещё больше испортившими настроение своим безупречным лоском. Прилипнув носом к витрине, Маруся громко присвистнула: — Фьиу! И сказать страшно.

— Ну-ка отойди, посмотрю, — процедила я, радуясь хотя бы тому, что магазин ещё закрыт, и та воображала точно не заметит, что я снова таращусь на эти туфли. — Ах! Почти три моих стипендии! Повышенных, между прочим, которые мне не светят...

— В этом магазине хозяин натуральный жлобень. Почитай, как наш, — рассмеялась Маша.

— Ну, туфли-то и вправду хорошие, — с грустью вздохнула я и почему-то в очередной раз представила себя в них и красном платье, бодро шагающую по набережной. Эх, какая же неистребимая дурь...

В Римкоре с порога пришлось выслушивать беззлые, но оттого не менее ранящие реплики сокурсников и сокурсниц. Они острили о «головокружительном успехе», приведшем на кушетку медпункта, и о «двухдневном обмывании сборника», в моём случае, очевидно, следами. Учёба шла из рук вон плохо, даром что боль в суставах от ушиба уже прошла. Позавчерашний технический зачёт теперь придётся пересдавать в пятницу вместе с парой отъявленных разгильдяев, а в понедельник будет итоговый музыкальный диктант, являющийся допуском к предстоящим экзаменам. Я не слушала лекцию по чтению ансамблевых партитур, уткнувшись в черновики с сочинениями. Не знаю, зачем вообще взяла эту папку с собой. Может, для того, чтобы вспоминать те блаженные секунды, когда ноты становились в нужном порядке, складываясь в единые гармоничные напевы. Вот «Лесной дух» — мой первенец. Он родился на третий день после похорон отца. Мать готова была придушить меня за то, что играю. Но я не могла, решительно не могла остановиться. Этот изрядно помятый листок, наверное, третий или даже четвёртый вариант. Первые два были так исчерканы Завадским, что едва было можно прочесть. Тогда я писала ещё очень безграмотно. Это относительно новая работа под названием «Родной город». Среди холодной серости гранита я не могла не отдать дань памяти своему милому городку. В оставшейся дома тетради имеются даже стихи на некоторые из мелодий, в том числе и на эту. Их никто не видел и не увидит. Будто Лизы, что лишилась способности ходить, вообще не существовало. Будто она утонула в Волге той самой холодной весной. И я не могу, не могу, как ни пытаюсь себя заставить, не жалеть о том, что этого не случилось.

— Завадская! — раздался привычно-умилительный голос Якова Иосифовича. — В чём же у нас с вами обстоят основные трудности чтения ансамблевых партитур?

— Т-трудности...

— Да-да, трудности! А что у вас тут за записи? — незаметно подкрался к парте профессор, бросив взгляд на лежащие на ней черновики. — Раскладкой песен на ноты будете заниматься у Шевчука в следующем семестре. На время. Или дома. На досуге. Кстати, что там Владимир Дмитриевич? Когда явится в отпуск?

— К Новому году, — сквозь зубы буркнула я, не представляя, куда к тому времени можно деться.

— Чудесно! Пусть обязательно заглянет ко мне на чай. Есть предложение относительно звукозаписей. Не забудь передать. Обязательно! — настойчиво повторял наш еврейчик или Лёвущка, как студенты ласково звали за глаза всеми любимого дедушку Левинсона. Профессор умудрился несколько не утратить душевного равновесия за долгие, долгие годы преподавательской деятельности.

— Передам.

— С учётом его вечной занятости — оно точно его заинтересует. Такие дела быстро не делаются, но способ всё ускорить есть! Так что там с трудностями, Лизавета?

— Я не знаю.

— Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это. И за это и за то, что почистила пальто, — шутливо продекламировал Левинсон, по обыкновению рассмешив учащихся. — А что у нас, ребятки, с Лизонькой?

— Так от радости учёба на ум не идёт! Сборник-то Завадский ей посвятил. Вы разве не видали?

Посвятил... мне?! Они говорили что-то ещё, но я больше не разбираю ни голосов, ни слов. Мне — украденный у меня же сборник! Просто верх бесстыдства и подлости! Остаток лекции и последующих занятий я провела в полной отрешённости. К счастью, Яков Иосифович больше меня не спрашивал и не поставил за занятие плохой отметки. Остальные преподаватели сегодня меня и вовсе не трогали, а с последней лекции по музыкальной теории вообще отпустили по причине «болезненного и пугающего всех присутствующих вида». Но ведь так не будет продолжаться до конца семестра. Мне нужно прийти в себя и собраться, иначе не только лишусь сборника, но и стану кандидаткой на отчисление. Маша понуро поднялась с последней парты и, подойдя ко мне, повезла кресло по коридору к гардеробной. Теперь моё появление уже не вызывает столь бурного ажиотажа, как три дня назад, но любопытные взгляды по-прежнему ощущаются даже спиной.

— Вези к Александринке.

— Но тебе же к завтраму столько усега готовить?! Успросють точно.

— Плевать. Хочу увидеть Грету. Поделится... радостью.

— А вдруг её там нетути?

— Ты опять за своё. Может, хватит?! Она же достала нам билеты! — с жаром возмутилась я, а следом глухо пробурчала. — А главный вор у нас даже не постоялец. И без актёрского образования справляется на ура. И берёт не только деньгами.

— Да я же ничаво! Просто вдруг у неё выходной сегодня, — принялась оправдываться Маруся.

— А если выходной — значит, сама к нам заглянет.

— Ага, делать ей больше нечего, — процедила Машенька, ревновавшая меня к Генриетте, хотя прекрасно понимала, что я без неё никуда, причём в самом прямом смысле.

Езды до театра, по сравнению с нашим основным путём, было всего ничего. И как раз по дороге к дому. Теперь воспринимать это помещение как дом стало ещё труднее. Мысли снова вернулись к Завадскому и его «щедрому жесту» посвятить мне сборник. Я впервые за эти дни уловила внутри жар ненависти. Тошнотворный и липкий. Уловила, как коробит нутро от воспоминаний о муже! А ведь это чувство уже мне знакомо. Однажды оно вот также разъедало душу и лишало сил. Но Вилфрид Гесс — это другое. Даже в той клевете не было его прямого, единоличного участия. Но тут... Нас ведь все эти годы объединяло нечто особенное, нечто большее, чем желание научить и научиться. По крайней мере, мне так казалось. И так было с моей стороны. Нет, я точно не испытывала к нему даже подобия самого прекрасного и высокого чувства, и теперь благодарна своему сердцу хотя бы за это. Маша говорила что-то об обеде или ужине, потом об одном из моих одноклассников — Кольке, который, похоже, ей нравился, потом о Генриетте и о том, что она по-прежнему не очень-то ей доверяет. Если бы я могла поддерживать беседы, как прежде, если бы могла сутками напролёт не думать об одном и том же. Как долго это будет продолжаться?! У меня уже не осталось сил.

— Гляди, какой мужик важный у коляске, — попыталась хоть как-то развеселить и отвлечь меня Маруся, кивая на главный фасад Александринки с каким-то, вероятно, древнегреческим героем, правящим колесницей, запряжённой четырьмя лошадьми. Я равнодушно гукнула. Меня не забавляло и не интересовало абсолютно ничего. Хотелось сбежать от В.Д.,

чтобы он больше никогда меня не нашёл. Если бы Грета помогла мне, если бы нашла для меня хоть какой-то угол. Она ведь смогла разойтись со своим благоверным, смогла начать всё с нуля. Но разве я имею право её обременять? Вешаться ярмом на шею той, что сама ещё толком не встала на ноги?!

Маша ввезла моё кресло в холл, и мысли резко сменились страхом, разбавленным острым ощущением того, что нахожусь совершенно не в своей тарелке. Чувством, острота которого здесь ещё более сильна, чем в том злополучном обувном магазине. Какое великолепие! Высокий, сводчатый потолок, украшенный причудливыми завитками барельефов, бронзовые бюсты каких-то театральных деятелей, золотые подсвечники, красные ковры. Немногочисленный народ внутри уверенно сновал кто куда, и только мы, как вкопанные, застыли рядом с входом.

— Ну красотища! — внезапно выдала Ковалёва и решительно покатила растерянную и будто бы даже напуганную меня в сторону билетной кассы. — Сейчас узнаем про нашу актрису.

Даже не думала, что стану такой жалкой трусихой. Коряво и нелепо Маша спросила про Некрасову. Распотешенная деревенским говором Ковалёвой билетёрша со снисходительной улыбкой объяснила нам, что репетиции спектакля, где участвует Галина, проводятся вечерами, а сейчас она, скорее всего, трудится неподалёку — в овощном магазине. Похоже, теперь Маша, наконец, убедилась, что Грета действительно здесь играет, а не просто купила нам по билету для отвода глаз, и при удобном случае умыкнёт всё, что пока уцелело.

В крошечном магазинчике, пропахшем сыростью погреба, было многолюдно. Галина с трудом поспевала взвешивать корнеплоды и кочаны капусты людям, заскочившим в обеденный перерыв. Тяжёлая работа всего за несколько минувших дней оставила на лице этой красавицы заметную усталость, на натруженных руках отчётливо выступили вены. Она с некой неловкостью кивнула нам, чтобы подождали, когда народ немного рассосётся. Ждать пришлось долго — часа полтора точно, но мне сейчас было плевать на трату времени. Пояснения относительно того, почему она здесь оказалась, не требовались, однако всё же были даны, хоть и в весьма краткой форме, чётко подтвердив мои догадки о том, что в театре ей светит мизерная оплата и эпизодические роли, максимум второй состав. Она произвела впечатление на режиссёра и некоторых коллег, но пройдёт ещё немало времени, прежде чем ей доверят нечто серьёзное. Иные пути через гримёрки и «протекции» нужных людей были для неё немыслимы. А окажись это иначе, она больше не была бы моей подругой. Но, к счастью, Грета пошла другим — правильным, но, увы, более сложным путём. Подобный путь следовало бы выбрать и мне. И тогда моя музыка была бы моей, пусть и оставшись почти никому неизвестной.

— Я сама бы зашла к тебе в пятницу и отвезла в СК, — слегка сурово произнесла Рауш, чуть выйдя из-за прилавка и вопросительно глядя на моё лицо, вероятно, по-прежнему одутловатое, пускай и не настолько, как было утром или парой дней ранее.

— В СК больше не надо. Опоздала я.

— Как? Что ещё за новости?! — строго проговорила Грета. — Я уже успела написать младшей сестре, что подружилась с девушкой-композитором, и она тоже будет ждать, когда услышит твою музыку на пластинках.

— Она её услышит, многие услышат. Вот только автором буду не я.

— То есть как? Ты продала свои сочинения?!

— Прогнала. Без собственного согласия и без оплаты.

— Да говори ты уже по-человечески, хватит загадки загадывать!

— Муж её, ирод распроклятый, всю музыку хап и загробастыл, — сказала за меня Маша то, в чём признаться не хватало духу. Предположить такого Грета совершенно не могла, ведь я ровным счётом ничего не рассказывала ей о деяниях Завадского, рассчитывая, что подлости исчерпаны, и мы сможем начать относительно нормальную жизнь.

— Это такая шутка?!

— Да какие уж тут шутки?! — возмутилась Маруся, кивая на меня. — Не есть вон ничего три дня и почти не спать.

— Ах, Лизонька, — кинулась мне на шею Рауш, и мы обе громко всхлипнули. — Нет, так не годится, — быстро отпрянула Генриетта. — Нельзя падать духом! Надо доказать, что ты — автор!

— Да кто мне поверит?! Кто я?! Недоучка... Инвалидка из богом забытого городишки. Нет, Грета, нет. Если бы я могла от него уйти, могла работать хоть здесь — так же, как ты, в этой самой лавке, но я... я...

— Ты пишешь замечательную музыку и этим всё сказано, а он просто наглый, беспринципный вор. Так обойтись с девушкой в твоём положении, со своей собственной ученицей! Нет, нет! Это нельзя так просто оставлять! Нельзя сдаваться без боя! Слышишь?! Ты слышишь, Эльза?! — громко и с жаром восклицала Генриетта. Её лицо было красным, а сжатые в кулаки руки стали белее белого. Из подсобного помещения вдруг выглянул крупный и суровый мужчина:

— Хорош лясы точить, Галька, иди морковку перебирай, а я пока за прилавком постою. Грета кивнула здоровяку и без тени бывшего гнева, но с мягким добросердечием произнесла:

— Выше голову! Вечером жди в гости. Приду после репетиции.

— Не надо, я подожду до выходных, — принялась отнекиваться я, представляя, как бедняжка устанет после работы у этого ленивого верзилы, вышедшего к прилавку, когда весь народ уже разошёлся. А потом репетиции, где ей, наверняка, точно так же предстоит заносить хвосты за тамошними старожилками.

— А я хочу сегодня!

Я кивнула и впервые за эти три дня улыбнулась, наверняка осознав, насколько похожи наши с ней мытарства. И она несколько не удачливее меня, скорее даже наоборот. Просто взрослее и обладает большим жизненным опытом и, очевидно, сильной, нестигаемой волей. А судьба, явно неоднократно посягавшая на её крылья, всякий раз получала в лоб копытом. И я буду полной размазнёй и круглой душой, если не возьму с этой сильной девушки пример.

Грета пришла около девяти вечера, уставшая, но по обыкновению бодрая духом, о чём красноречиво говорили ясные голубые глаза. Она принесла нам с Машенькой купленные, вероятно, за последние деньги пирожные.

— Больше не пущу тебя на порог с гостинцами! Ты тратишь деньги, а мы наедаем бока!

— Уж кто бы говорил! Ты уже вот-вот насквозь начнёшь светиться.

Маша принесла нам чай, и мы трое уселись в гостиной.

— Значит, уйти от него хочешь? — с ходу перешла к делу Грета.

— А что мне остаётся?! — с ненавистью процедила я, бросив взгляд на столь отвратительное для всего существа обручальное кольцо, которое отчего-то, даже в отсутствие мужа, продолжаю носить, но с первого же дня этого брака мечтаю выбросить и солгать, что потеряла.

— Ну как что? Взять хотя бы этот замечательный инструмент. Бесплатно играть на таком тебе предложат разве что когда выпустишь сборник. Под своим именем, разумеется. Так ещё и платить будут и выступления твои загодя бронировать. А пока... Пока надо пожить. Пожить с этим подлецом и выжать из него всё, что можно!

— Но как?! Я не...

— Не такая?! Так и я не такая. И вовсе не подбиваю тебя ни на какие увёртки. Кроме одной единственной — лучшие композиции оставляешь себе, а ему что попроще. Третьесортное.

— Ну, нет... Нет, Грета. Я не могу халтурить.

— Так и не надо. А третий сорт, как всем известно, не брак.

— Да вот же! — подключилась Маша, сияя чуть злорадной и безмерно довольной улыбкой.

— Можно и сплагатить чутка, — не менее злорадно продолжила Рауш. — А он пусть отвечает, как автор! Всё справедливо!

— Мне кажется, после случившегося я не напишу вообще ни строчки.

— Третий сорт точно напишешь! А давай прямо сейчас! Мы поможем. Правда, Манюня?

— А чаво бы не помочь? Во поле берёзка стояла, во поле кудрявая стояла, Ой люли-люли стояла! — зазывающе запела Маша, а Грета, отодвинув меня от столика и блюда с нетронутым пирожным, так и не вызвавшим аппетита, подвезла к роялю.

— Ну, давай! Маше нужен аккомпанемент! Что зря надрывается?!

Песня из моего первого урока музыки была такой родной и ровно настолько же чужой. Забавно слышать именно её. И беспредельно грустно. Я неловко коснулась клавиш пальцами, что филонили почти пять дней. Такой долгий перерыв, даже дольше, был у меня только в поезде, что привёз в этот унылый город. Помню, как не находила себе места, мечтая сыграть хотя бы что-нибудь, даже простейшие гаммы, а теперь столь нерационально расточаю время. Та Лиза, изнывающая от тоски по фортепиано, точно не простила бы эту, несмотря ни на какие оправдания. Я лихо воспроизвела весёлый, незамысловатый мотив куплета, потом ещё раз и ещё, чуть поменяв ритм. Потом тональность. Потом поменяла кое-что местами.

— Ну как? — спросила, поглядев на изумлённых девчат. — Надо бы припев добавить или пусть это он и будет. Хорошо запоминается!

В мыслях пронеслось, что финал Четвёртой симфонии Чайковского напоминает как раз эти самые напевы о стоящей во поле берёзке. Так что я буду уже не первой. Кто знает, может, именно эта мелодия тоже стояла в самом начале пути великого композитора.

— Ну, даёшь! Записывай скорее, покуда не забыла, — выдала Маша.

— Да что тут записывать-то?! Ерунда. Проще пареной репы.

— А где тут третий сорт-то?! Не пойму! Плохо старалась, — сурово и хлётко вступила Грета, и, поочерёдно взглянув на наши недоумевающие лица, расхохоталась, захлопав в ладоши. — Это минимум второй! И весёлая! В «Холодной весне» таких было явно маловато.

— Так на то она и холодная!

— Да если уж на то пошло, то в Ленинграде её вообще нет. Ни холодной, ни тёплой. Так что ж теперь, не веселиться? Не цвести? Не творить?! Ну уж нет, увольте! Я сюда не за тем ехала, чтобы чахнуть. Я весну с собой привезла! Вот Новый год отметим и сразу весна!

— Губу раскатала, — хихикнула Маша.

— А что, нам, актрисам, всё можно! Кстати, нам же с вами на выходных на «Собаку на сене»²⁰ идти. Так что в пятницу вечером жду в гости — дам вам несколько платьев на выбор. У меня их много, а вам наверняка и надеть на такой случай нечего.

— Это точно, — вздохнула я, удивляясь тому, как внимательно Грета всё подмечала.

— А мне твои наряды коротки будут, — с досадой пробурчала Маша, ведь Грета была ростом чуть повыше меня, а я — аж на голову ниже Ковалёвой.

— Так у меня и длинные есть! Подберём. Главное, чтобы по плечам садились. А так ты у нас тоже тонкая, звонкая и прозрачная! Ох и подобралась же у нас компания! А ну бегом налетай на пирожные!

В пятницу мы с Гретой выбрали нам с Машей такие красивые и нарядные платья, что в них едва узнали сами себя. Мы так увлеклись примеркой, что решили остаться ночевать у Рауш в небольшой комнатке общежития, в котором проживало множество актёров, некоторых из которых нам предстояло увидеть завтра на сцене. Грета даже успела познакомить нас

²⁰ «Собака на сене» (исп. El perro del hortelano, букв. «Собака садовника») — комедия в трёх действиях испанского драматурга Лопе де Вега, написанная примерно в 1618 году. По сюжету молодая неаполитанская вдова графиня Диана де Бельфлор влюбляется в своего секретаря Теодоро и признаётся себе, что если бы этот умный, красивый мужчина был от рождения знатным, она позволила бы ему приблизиться к себе. Ситуация усугубляется тем, что Теодоро симпатизирует её служанке Марселе, и дело идёт к свадьбе.

с несколькими из них, представляя меня как уже едва ли не знаменитого композитора. Пожалуй, теперь опустить руки и не издать по всем правилам собственный сборник будет просто непростительным конфузом.

— Что это за мужик у коляске? — подходя к Александринке, кивнула Ковалёва на снова не дающую ей покоя статую, красовавшуюся на главном фасаде театра.

— Не коляска, а квадрига, — рассмеялась Некрасова. — А этот мужик Аполлон, или Феб, сияющий и лучезарный — древнегреческий и древнеримский бог света. Покровитель искусств, муз и переселенцев. Наш бог, Эльза! И, между прочим, олицетворение мужской красоты.

— Вот уж точно, красавец, — хихикнула я, иронично поставив ударение на последний слог. — Маруся на него уже второй раз так таращится. То-то и справки наводит.

Мы дружно захохотали, особенно после того, как я шутливо отдала приказ завести мою квадригу внутрь театра, теперь уже не казавшегося таким пугающе великолепным. То есть он был по-прежнему прекрасен, но рядышком с Гретой мы уже не боялись столь пышного вида, прежде вынуждавшего счесть себя его недостойными. Спектакль нам с Машенькой очень понравился. Разумеется, Грета была прекрасно знакома с пьесой, в своём театре она даже играла в ней роль Дианы. А её муж предстал в образе Теодоро. И все друзья, приглашённые на их совместный дебют, в один голос твердили, что у молодой пары большое будущее. Вот только на деле оно оказалось слишком коротким. Не прошло и десятка спектаклей, как Теодоро променял Диану на Марселу, оставшись безродным слугой. Да, сейчас наша Грета пока не Диана, но я наверняка знаю, что Теодоро ещё обязательно будет кусать локти.

Глава 7 — Плата за долги

До приезда Завадского оставалось всего ничего, и от неприятного ожидания не могли отвлечь даже многочисленные экзамены и зачёты. За последние три недели от него пришло два довольно щедрых перевода, но без писем с указаниями относительно трат, как было по обыкновению. Не посмел даже высказать пожеланий, касающихся новогоднего стола. Неужто до такой степени совестно?! А может всего-навсего очень занят подготовкой и экзаменовкой курсантов. Как бы то ни было, я решительно не хотела бы читать его посланий, и уж подавно не желала видеть их автора. У Греты в канун Нового года работы изрядно прибавилось и в театре, и в павильоне, а моё общение с соседями по большей части сводилось к уровню здрасте-до свидания. И даже приехавшие к ним гости: пожилая пара — родители Гридневых — соседей сверху, да трое племянников Аллы Михайловны, живущей напротив Гридневых, лет по 12-13 каждому, тоже не подходили для приятельства или возможности хоть как-то отвлечься. Тем не менее, эти предновогодние дни оказались довольно плодотворными в плане творчества. Маша, снова оказавшаяся моим идейным вдохновителем, помогла сочинить ещё две так называемые третьесортные композиции, в основу которых и на этот раз легли русские народные мотивы. Забавно, ведь В.Д. никогда не был поклонником подобной музыки и даже несмотря на привычную и знакомую всем с малых лет незатейливость, разбирался в ней крайне посредственно. Интересно, как отреагируют члены СК, когда нынешняя знаменитость принесёт им на оценку подобные работы. Зато их безо всяких оговорок можно воспринимать как гимны или оды к сельхоз. труду или работам на заводах и шахтах. В отсутствие народности такую музыку точно не упрекнёшь. Никакого «буржуйского налёта», как говорил В.Д. и некоторые члены СК относительно нескольких сочинений, всё же вошедших в «Холодную весну». А музыку, что стану писать для себя — я с удовольствием приберегу. Оставлю до того момента, когда язык композитора станет более свободным от навязанной шаблонности, торжественности и патриотичности, когда смогу писать о Родине собственные слова и чувства, смогу грустить или недоумевать, смогу выражать мысли не только относительно общественного, но и личного. Ведь каждая личность есть штрих в общем облике текущей реальности, и если все штрихи абсолютно одинаковы, никогда не выйдет полноценной картины.

Итак, экзамены, несмотря на все тревобления, успешно сданы, продукты к празднику куплены, блюда частично готовы, но каждый день, в котором не появляется В.Д., радует и одновременно удручает, ведь час за часом лишь приближает это прибытие. Завадский явился ранним субботним утром. Народ по большей части ещё спал и в благодной тишине, я вдруг уловила характерный, знакомый звук твёрдых, торопливых шагов в коридоре. Неловко, но довольно быстро поднявшись, я привычными движениями свесила с кровати мёртвые ноги. На их состояние давным-давно не влияло уже ничто — ни печаль, ни радость, ни массаж, ни чудо-матрац. Единственная призрачная боль в тот момент, когда узнала о плагиате сборника. Секундное затмение рассудка, иллюзия. Я давно смирилась с параличом, а сейчас готова, по совету Генриетты, смириться и с этим браком. Смириться до поры, пока не стану независимой от своего «благодетеля». И пусть это будет очень не скоро, по крайней мере, ввиду физической беспомощности, теперь я совершенно точно осознаю, что нужно потерпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.